

ПО ЦАРСКОМУ СЛЕДУ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ПРИКАМЬЕ

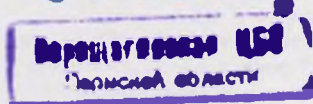
В 63,3(2Рос-4Пер)

Г52

В. Ф. Гладышев

ПО ЦАРСКОМУ СЛЕДУ ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ПРИКАМЬЕ

306289

Пермское книжное издательство
2015

УДК 94(470.53 Перм.)

ББК 63.3(2)-3

Г52

Гладышев В. Ф.

- Г52 По царскому следу. Династия Романовых и Прикамье / В. Ф. Гладышев. – Пермь: ООО «Пермское книжное издательство», 2015. – 472 с.: ил.

ISBN 978-5-904037-39-0

В 2003 г. Пермским книжным издательством была выпущена книга «Свет Белой горы» В. Гладышева, А. Кудриной, посвященная истории появления и возрождения Белогорского Свято-Николаевского монастыря, по сути самого монументального царского памятника в Прикамье. Книга получила читательское признание, она отмечена благодарностью Патриарха Московского и всея Руси, краевой премией в сфере культуры и искусства. Новая книга В. Гладышева продолжает и развивает царскую тему. Многообразные связи династии Романовых с Прикамьем и пермяками исследуются краеведом с помощью новых документов, фактов, почерпнутых им в архивах Перми, Екатеринбурга, Москвы, а также в зарубежных источниках. Читатель найдет здесь рассказ о многочисленных событиях, памятниках в разных уголках губернии, сообщения о всех визитах в Пермь членов царской семьи. Полезны сравнения того, как отмечали в регионе два юбилея – 300- и 400-летие дома Романовых. Уникальный материал собран автором о личности великого князя Михаила Александровича Романова, последнего императора России, каким считают его многие историки. Рассказ о поиске захоронения «узника Перми» представляет собой подлинный детектив, историко-криминальное расследование, ведь на момент выхода книги могила Михаила так и не найдена. Объективному анализу подвергнуты взгляды борцов с царским самодержавием, сторонников и противников как конституционной монархии, так и демократического республиканского устройства России. Многие источники вводятся в научный оборот впервые. Книга богато иллюстрирована редкими снимками.

Краеведческое научно-популярное издание.

Автор выражает признательность А. Н. Авдоницу, В. М. Козловскому (Екатеринбург), Артуру Бичу, Докэзду Кроуфорду, В. Г. Краснову (США), Л. А. Лыковой, С. В. Мироненко (Москва), протоиерею Геннадию Беловолу (Санкт-Петербург), С. А. Быкальцеву, Н. А. Зенковой, Ю. Д. Кудрявцевой, М. П. Русских, Л. П. Марковой, И. И. Махачеву, А. Ф. Мельничуку, А. Г. Ерчаковой (Кобяк), Г. П. Чагину, Т. П. Чураковой, Д. А. Лобанову, Г. В. Костаревой, членам «Дом Дягилевых» – гимназии № 11, Н. А. Аликиной, С. А. Торопову, Л. В. Перескикову, В. С. Колбасу, К. В. Шиловой, и всем моим коллегам по клубу «Пермский краевед», помогавшим в поиске материалов.

УДК 94(470.53 Перм.)

ББК 63.3(2)-3

© Гладышев В. Ф., 2015

© ООО «Пермское книжное издательство», оформление, 2015

ISBN 978-5-904037-39-0

ВВЕДЕНИЕ

«...ИБО СОВЕСТЬ ЧИСТА»

«Его Величеству императору Михаилу: недавние события заставляют меня принять вынужденные меры. Прости, что не предупредил о своем намерении: не было времени. Навсегда остаюсь твоим преданным братом. Молю Бога помочь тебе и нашей стране. Твой Ники» (телеграмма от Николая II брату после его отречения от престола в пользу Михаила 3 марта 1917 г.).

...Когда Александр III умирал, около него собралась вся семья, рядом был и великий праведник и молитвенник отец Иоанн Кронштадтский. Пятнадцатилетний Миша гладил руку отца. Император с нежностью посмотрел на любимого сына и, сказав: «Душка...», испустил дух.

Михаил Романов был обаятельной личностью, вот уж действительно душкой, его многие любили, и было за что. Бог наградил Мишу широкой душой и разнообразными способностями.

Пожалуй, впервые более-менее цельное впечатление о нем как о личности

Император со своим любимцем Мишей

Михаил в юности

Михаил – кузнец

пермяки получили на московской выставке «Российские императоры», работавшей в залах Пермского краеведческого музея в год 85-летия расстрела Михаила Александровича Романова. Среди редких экспонатов, произведений искусства из собрания Государственного исторического музея были детские фотографии великого князя, его рисунки, портреты. По одному автографу стало ясно, что Михаил помогал комплектованию Исторического музея имени Александра III, будучи председателем попечительства музея. Перед нами в сжатом виде словно развернулась вся жизнь последнего российского императора (пусть и на один день) – вплоть до гибели...

Он получил прекрасное домашнее образование. Учителями и наставниками царских детей, в частности Миши, были известные ученые, правоведы, экономисты, мыслители, такие как С. Ю. Витте, С. Ф. Платонов, К. П. Победоносцев и др.

Уже в детстве Миша, как говорят в таких случаях об одаренном ребенке, подавал большие надежды по разным предметам, еще не умея со-

средоточиться на чем-то главном. Его педагог А. А. Половцов, председатель Русского Императорского исторического общества, наблюдал за ним и формировал его взгляды на протяжении нескольких лет. Позже он так отзывался о своем бывшем ученике: «Он способен добиваться цели без тишней суеты, но с непреклонной твердостью». Одну из работ, написанную Михаилом в форме реферата, о значении Отечественной войны 1812 г. для России сочли возможным опубликовать в «Историческом вестнике». И надо сказать, для самого автора эта публикация имела не меньшее значение, чем последовавшее позднее награждение его медалью «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.».

С 1901 г. Михаил являлся членом Государственного Совета. Получил военное образование, окончив в 1901 г. Михайловское артиллерийское училище. Служил в лейб-гвардии кирасирском полку, затем в Преображенском полку, неплохо показал себя в должности командира 17-го Черниговского гусарского полка. Во время Первой мировой войны командовал Кавказской туземной кавалерийской (Дикой) дивизией.

Американец Стэнли Уолшберн, работавший в России военным корреспондентом, посетил Дикую дивизию, не раз наблюдал брата царя в боевых действиях, в деле. И не смог сдержать своего восхищения полководцем: «От него исходит тот же упрямый оптимизм, который ощущается во всей русской армии... При этом он настолько прост и демократичен, насколько можно себе представить».

Демократичность натуры Михаила отмечал и писатель Александр Куприн. Удивительное совпадение впечатлений, исходящее от двух столь разных людей — американского репортера и русского классика.

Тот факт, что Михаил как наследник престола и самый вероятный претендент на него (наследником стал в 1889 г., после смерти брата Георгия, и до 1904 г., когда родился цесаревич Алексей) всегда находился в центре внимания и под прицелом у всевозможных недоброжелателей, подтверждается целым рядом исторических источников и свидетельств современников. Уже при первом аресте великого князя, в августе 1917 г. в Гатчине, тогдашний военный министр Временного правительства Борис Савинков (еще недавно бывший отчаянным террористом) издал приказ главнокомандующему войсками Петроградского военного округа: «...задержать быв. Вел. Кн. Михаила Александровича как

лицо, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией свободе».

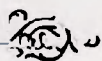
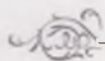
Перепечатав на машинке содержание приказа Савинкова в свой дневник, Михаил приписал от руки: «Настроение у нас возбужденное, но бодрое, ибо совесть чиста»¹.

Удивительный секрет жизни этого человека заключается в том, что он дважды в жизни становился ключевой политической фигурой в русской истории, и каждый раз вопреки своей воле! Первый раз – в 1917 г., когда Николай Романов отрекся от престола в пользу младшего брата, назвав его Михаилом II. Второй раз – в самый разгар гражданской братоубийственной бойни, когда в схватке за власть на него, уже ссыльного гражданина Романова, узника Перми, ставили не только русские монархисты, но и зарубежные державы.

Собор Петра и Павла. Здесь на Пасху Михаил познакомился с епископом Андроником, будущим священномучеником

¹ Запись от 23 августа. ГАРФ. Ф. 668, оп. 1, д. 136, л. 231–232.

Он не был идеальным человеком. Об этом приходится говорить, потому что в последнее время появилось несколько его биографий, написанных в откровенно иконописном, довольно поверхностном тоне. Между тем говорить надо в данном случае, как нам кажется, о трагическом расхождении целей и предназначения человеческой личности. Был неприятный случай, когда Михаил ради любимой женщины пошел на обман своего ценного брата, и это послужило поводом для долгой, мучительной размолвки с родственниками.

Не искусленный в политике, Михаил считал для себя оптимальным вариант частной семейной жизни. Поэтому он, человек увлекающийся, так много времени «тратил» на театры, на кинематограф, на спорт. Хотя, с другой стороны, все это говорит о его упорной работе над собой, над своим духовно-правственным и физическим развитием. Привычкам своим он не изменял даже в стесненных условиях пермской ссылки, чего стоят его посещения храмов и многокилометровые прогулки!

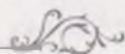
Если вспомнить символическую картину Бориса Кустодиева с образом гиганта-большевика, шагающего по красной России, то в такой же диспозиции можно легко представить фигуру Михаила в распахнутой шинели, широко шагающего по Перми и – перешагивающего город.

Великий князь удивительным образом сохранил в себе доброту, доверчивость, простоту, непосредственность и доступность, словно жил по христианскому завету «Будьте как дети». Он был богат и щедр, расщоточителен до безрассудства, словно не знал, что делать со своим богатством.

Михаил Александрович состоял почетным председателем и щедрым покровителем нескольких благотворительных, научных и просветитель-

*Андроник (слева) с Сергием
Страгородским. 1898 г. Япония*

Большевик. Худ. Б. Кустодиев

*Пермяки запомнили
этого ходока...*

ских обществ, в том числе автомобильного, воздухоплавания, географического, фотографического. Будучи весьма состоятельным человеком, Михаил вел очень широкую благотворительную деятельность. Об этом с благодарностью вспоминают в последние десятилетия во многих возрожденных общественных, научных, культурных организациях¹.

Многие отмечали, что это был чрезвычайно скромный и застенчивый человек, тяготившийся собственным высоким положением. Высокие нравственные и человеческие качества помогли ему снискать любовь и уважение окружающих людей из разных слоев общества. Последний

¹ В июне 1908 г. через Пермь и Кунгур проходил один из первых международных автопробегов Нью-Йорк – Париж. В Петербурге немецкому экипажу, прибывшему первым (он стал в итоге и победителем «крусосветки»), был вручен приз от великого князя Михаила Александровича, августейшего покровителя Российского автомобильного общества. Приз представлял собой золотую братину с монограммой Михаила Романова (сведения краеведа Н. В. Плотникова).

Великий князь Михаил Александрович был в числе почетных членов Российского попечительства о глухонемых, возглавляла которое государыня императрица Мария Федоровна. Эта забытая страница русской истории благотворительности раскрывается в брошюре В. Гладышева «Жить, не обижаясь на судьбу», опубликованной в газете «Православная Пермь» (о возрождении общины глухих и слабослышащих при Свято Троице-Стефановом монастыре г. Перми). 2013. № 1–3. Аят.

штрих к духовно-правственному портрету Михаила добавляют слова Николая Джонсона. Секретарь и друг Михаила Романова, добровольно разделивший его путь на Голгофу, накануне расстрела сказал своим палачам: «Зачем вам расстреливать меня? Богатствами я не обладаю, живу на жалованье. Есть у меня одна лишь старуха мать. Михаила также расстреливать не за что, он человек либеральный, его любит народ»¹.

Уже в последний миг своей жизни великий князь бросился к своему другу со словами: «Проститесь дайте!»

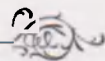
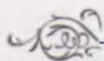
Михаил Александрович Романов был причислен к лику святых новомучеников Русской православной зарубежной церковью еще в 1981 г. Когда принималось это судьбоносное решение, учитывалось многое.

В царской семье он получил высоко нравственное воспитание в духе любви и почитания своих родителей, Отечества и святой церкви. Михаил вел всегда воцерковленный образ жизни, даже в условиях пермской ссылки. Дстойны подражания его патриотическое поведение в годы Великой войны (с германцем) и его упорное противостояние развязыванию гражданской бойни. И сегодня многих восхищает способность Михаила Александровича беззаветно любить женщину, самоотверженно защищать семейные узы и детей своих – это поистине дар Божий. И конечно, потрясает трагическая, мученическая, поистине праведная гибель его.

*Какой русский не любит быстрой езды!
Сам за рулем*

¹ Гладышев В. Зеленая папка // Страницы прошлого: Смышляевские чтения. Вып. 4. Пермь, 2003. Документ хранится в архиве Л. С. Кашихина, частное собрание.

*Икона «Новомученики и царственные страстотерпцы».
В центре – члены царской семьи; слева, между образами св. Елисаветы
и св. Ольги, – великий князь Михаил Александрович*

Русские цари. От Александра I... до Михаила II

Чтобы постичь предназначение этой трагической судьбы, нам нужно будет обратиться к документам, к истокам. К началу не только биографии великого князя, но и к зарождению уральской истории дома Романовых. Иначе трудно понять, куда и почему исчезают скрепы духовные и территориальные...

Ныроб в 1913 г.

Нырос Паркату Романову на земле графской.

«Ныробский уеник» Худ. Н. П. Тюрин

Передъ Романовъ послан и Милы Рески

сше из журнала «Нива», 1913 г.

Историческое поле.
Нырос, сентябрь 2013 г.

Нырос. Двухэтажные дома вблизи Успенской
на церковной ограде, сентябрь 2013 г.

Ныробская драма, сентябрь 2013 г.

АЛЬФА И ОМЕГА: ОТ МИХАИЛА ДО МИХАИЛА

РОМАНОВЫ НА УРАЛЕ

СТРАННОЕ -ВЕЗЕНИЕ-

С домом Романовых, 400-летие которого отмечалось в 2013 г., Пермский край связан самым тесным и самым мистическим образом...

Пермской земле «везло» на Михайлов Романовых. Первый, боярин Михаил Никитич, приходившийся дядей первому российскому царю, был замучен в ныробской ссылке в 1602 г.¹

Вторым был великий князь Михаил Николаевич, побывавший на Урале в 1887 г. В начале XX в. в Перми, вдоль нынешней Тихой улицы, находилось военное кладбище, называвшееся в память о высочайшем визите Михайловским. В годы Первой мировой войны здесь хоронили русских воинов, умерших от ран в пермских лазаретах (несколько надгробий еще сохранилось). 13 июня 1887 г. в присутствии великого князя Михаила Николаевича и его 8-летнего сына Сергея (которому суждено будет погибнуть во время Гражданской войны в алапаевской шахте) было освящено новое здание Мариинской женской гимназии. А когда гости плыли по Каме, пермяки выслали навстречу Михаилу Николаевичу пароходы с хорами песенников и двумя оркестрами. Зрители запрудили весь берег «от железнодорожного вокзала до Данилихи», т. е. в современных координатах, от Перми I до Перми II².

Для уральцев было ценно и то, что эта «царская особа» (как называли членов императорского дома) посетила Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, проходившую в Екатеринбурге. Великий князь оказывал августейшее покровительство выставке, а после — и Уральско-

¹ Ныроб: Путеводитель / Сост. М. Ветчинова, В. Гладышев, Е. Курткин. СПб.: Мачатон, 2012.

² Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889. С. 345–349.

...объединял любителей естествознания (УОЛЕ). Уральцы увековечили
...о этого Романова: в музее УОЛЕ открыли зал его имени
... Михайловскую премию за успехи в изучении Уральского

... великий князь Михаил Александрович. Последний рус-
... как все чаще называют его сегодня исследователи, Ми-
... оказался на пермской земле в ссылке и был убит в июне 1918 г.

ПОТЕРЯЛИ ВСЕ, КРОМЕ ЦЕПЕЙ (О ВЕРНОПОДДАННИЧЕСТВЕ ПЕРМЯКОВ)

Никто не знает, каким человеком был
... Михаил Никитич Романов, дядя
... царя. Одно из немногих изо-
... появилось только в начале
... были ли дядя «самых честных пра-
... являлся ли образцом для подра-
...? Свидетельств на сей счет сохра-
... немного. Одна из характеристик
... в истории пермским поэтом
... Ильиным, который писал о сво-
... по-бытлинному размахисто и уве-

Родной брат
Михаила Никитича -
патриарх Филарет

... был Михаил, и могутен, и дюж,
... есслый имел, откровенный,
... добр он, и щедр, и умен, а к тому ж
... был красавец отменный.
(«Песня о нырбоском узнике»)

... еще мы узнаем, что боярин «не знал себе равней в кулачном бою».
... своим качеством Михаил Романов из XVII в. также похож
... теску из XX в. Однако против интриг судьбы оказались бессиль-
... О боярине известно точно: дядя принял мученический конец, его
... в «пермских дремучих лесах» (помните, в пушкинском «Борисе

Годунове» царевич изучает карту империи?). В Ныробе, поселке на севере нынешнего Чердынского района, на месте ямы, где держали пленника, появился один из первых памятников Романовым – часовня. Объясняется это тем, что Ныроб, с воцарением на троне Романовых в 1613 г., был объявлен святым местом. Внутри Богоявленской церкви здесь была создана гробница и хранились цепи Романова.

•Цепи стали святыней Ныроба. Крестьяне во время церковных служб надевали их на себя, чтобы избавиться от каких-либо недугов. В традициях было прикладываться к цепям у новобрачных по окончании венчания. Помолиться в яме-темнице Романова, припасть к его цепям-оковам стремились люди из разных мест Русской земли. За год было до шести тысяч паломников...»¹

Вот так – 6 000 паломников! Новобрачные у цепей... И куда все подевалось?

С оковами боярина вышла почти детективная история. Похоже, кандалы вновь стали своеобразной реликвией, предметом поклонения. К ним «приложились» и в Екатеринбурге: в местном музее Романовых (открыт в 2006 г.) также демонстрируют цепи нашего ныробского узника. Однако доктор исторических наук Г. Н. Чагин, один из авторов упомянутого выше издания, несколько лет проработавший директором Чердынского музея, провел свое исследование и установил, что свердловчане-екатеринбуржцы, вечные наши друзья-соперники, имеют только копию.

Как оказалось, сомнения в подлинности романовских оков породил во второй половине XIX в. пермский краевед В. Н. Шишонко. Поводом для сомнений послужило то, что местным любителем древностей – уездным судьей – действительно была заказана копия цепей. Но затем другой краевед, Н. П. Белдыцкий, опубликовал рассказ своего отца Петра Викентьевича Белдыцкого, который и засвидетельствовал, как все было. В процессе подготовки к празднованию 300-летия дома Романовых создавали специальную комиссию. Вот ее члены, обследовав оковы, и обнародовали вывод: подлинник – у Чердыни.

Недавно автору этих строк вновь довелось побывать на месте романовской ямы-темницы. Часовня там восстановлена, стоит «под стражей»

¹ Цит. по: *Пермь Великая Чердынь. Пермь: Пресс-центр, 1999.*

двуглавых орлов на красивой оградке вокруг Романовского сквера, установленной по рисунку художника А. Н. Зеленина в 1913 г.

Местные энтузиасты показали нам сцену ареста боярина страшными стрельцами. Очень впечатляюще. А цепи хранятся в Чердынском музее.

За несколько лет до революционных потрясений на север Пермской губернии приезжал историк и путешественник Н. Вагнер, чтобы описать места, связанные с ныробским узником, мучеником-боярином Романовым. И вот его вывод: «Династических интересов народ никогда не понимал и не сочувствовал им...» Но, с другой стороны, сам-то Вагнер зачем-то ведь проделал столь тяжкий и трудный путь в глухой северный уголок Пермской губернии. Нет, есть тут противоречие, и немалое...

«НЫРОБСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

ИМПЕРАТРИЦА СКАЗАЛА: «МЫ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ ПОЕДЕМ В ПЕРМЬ НА КАНОНИЗАЦИЮ ПРЕДКА»

Вопрос о том, почему не произошло в свое время канонизации знаменитого ныробского узника боярина Михаила Никитича Романова, занимает каждого, кто знакомится с историей края и православия. Остановимся на этом «ключевом моменте» истории, и не только региональной.

О намерении императорской четы приехать в Пермскую губернию для канонизации своего предка пишет в «Воспоминаниях» Николай Ордовский-Танаевский (1863–1950), последний тобольский губернатор, а до того – многолетний управляющий Пермской казенной палатой. По степени важности это «третье лицо» во властной губернской вертикали, он часто исполнял и обязанности губернатора во время отсутствия того¹.

Интересны подробности того, как, в какой обстановке готовилось празднование 300-летия царствования дома Романовых в Пермской губернии. Члены специально созданной губернской комиссии признали необходимым организовать большие торжества в с. Ныроб. По особо разработанному проекту, в частности, предлагалось:

¹ Здесь и далее используется полный вариант «Воспоминаний» Н. А. Ордовского-Танаевского (1993). Аам.

*Портрет боярина Михаила Никитича
Романова с крестным ходом*

«...1. Ныроб и окрестность выделить на 3 дня в особую губернию со всеми чинами.

2. Накануне всенощная с перенесением цепей у Ямы и панихида с поминовением Михаила Никитича; в день торжеств литургия в храмах и на воздухе у Ямы и молебен с тропарями и кондаками св. Михаилу Клубскому и св. Михаилу Черниговскому, одноименные Михаилу Никитичу и Михаилу Феодоровичу.

3. Земству расширить часовню над Ямой, саму Яму привести в порядок, устроив спуск в нее лучший, чем есть; устроить хороший странноприимный дом имени Михаила Никитича...»

На докладе от лица пермского губернатора о трудах юбилейной комиссии государь положил резолюцию: «Исполнить. Согласен. Временным губернатором назначаю инициатора этого дела Ордовскаго-Танаевскаго с полными правами губернатора».

Практически все было исполнено, за одним небольшим исключением. Особого статуса временной «Ныробской губернии» формально решено было не выделять.

Так вот и вышло, что благодаря романовскому юбилею Н. А. Ордовский-Танаевский начал играть чуть ли не первую скрипку. Ревниво отнесся к «высочке» его непосредственный начальник – губернатор Иван Францевич Кошко. Когда управляющий казенной палатой представил губернатору подробный доклад и копию телеграммы Николая II, вышел неприятный конфликт.

Кошко не сдержал эмоций, он сухо заявил подчиненному: «Вы не имели права посылать личную телеграмму». Но ничего поделать уже не мог, юбилей надо было проводить. В инициативности и распорядительности подчиненному нельзя было отказать. Ордовский развернулся «на всю катушку». Он словно нюхом чуял: пробил его час! В Ныробе соз-

дали малую комиссию под председательством земского начальника. Заметную роль в организации торжеств сыграл председатель Чердынского съезда уездных начальников А. Н. Грамбек. Он, кстати, написал еще стихи по случаю исторического события и прочитал их на празднике. Стихи Н. А. Ордовский-Танаевский также включил в свой подарочный сборник, поднесенный царской семье. Позднее, оказавшись после Октябрьского переворота в вынужденной эмиграции, он вспоминал Ныроб 1913 г. так: «...ко дню торжеств в Ныроб собралось до 10 000 паломников, принесших 80 венков на гробик с цепями. Село было окружено кремлевской стеной из льда и снега. От храма главного до Ямы дорога, по сторонам которой обелиски из льда со снегом с гербами всех, от Михаила Феодоровича до Николая Александровича. Заложен странноприимный дом, и возложен на аналой крест и складень... По завершении торжественного обеда я послал Всеподданнейшую телеграмму, закончив: „Село Ныроб, представители Ныробской губернии (!) и паломники коленопреклоненно молят о канонизации, причислению к лику святых мученика Михаила Никитича, боярина Романова...“»

Епископом Пермским и Соликамским был тогда Палладий (Доброправов); с 1914 г. на Пермскую кафедру будет назначен епископ Андроник (Владимир Никольский) – будущий святой. Палладий представил копию пермского доклада и телеграммы в Синод. Государь повелел поблагодарить автора и всех его помощников, а также отпечатать доклад

*«Станем мы за веру!»
Афиша юбилейной программы
вокального квартета «Хорус»
с фрагментом плаката 1913 г.*

Епископом Пермским и Соликамским был тогда Палладий (Доброправов); с 1914 г. на Пермскую кафедру будет назначен епископ Андроник (Владимир Никольский) – будущий святой. Палладий представил копию пермского доклада и телеграммы в Синод. Государь повелел поблагодарить автора и всех его помощников, а также отпечатать доклад

для распространения истории о мученической кончине боярина и о чудесных излечениях от цепей Михаила Романова. В связи с этим Николай Ордовский-Танаевский в 1913 г. вновь был принят царской семьей в частной аудиенции.

«Я убедился, — пишет он, — что оба (царь с царицей. — В. Г.) сочувствуют предполагаемой канонизации Иоанна Максимовича и боярина Михаила Романова».

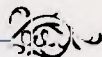
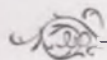
В том же докладе пермский чиновник высказал предложение многих православных пастырей о необходимости избрания Патриарха Московского и всея Руси. Николай отнесся к этой мысли заинтересованно и даже одобрительно, однако никаких шагов на практике в данном направлении не предпринимал.

Императорской чете были поднесены два экземпляра напечатанного доклада в переплетах из сиреневого сафьяна с серебряными цепями и надписью: «1613 — 1913, НЫРОБ». Интересно, что цесаревич Алексей к тому времени уже также успел прочитать пермский доклад, мальчик даже сказал во время аудиенции, что любит эту книгу.

В той беседе, довольно длительной, судя по воспоминаниям пермского посланника, разговор вышел за рамки одного события. Царская чета тоже близко к сердцу воспринимала проблемы церковной реформы, «идею единения церквей» и т. д. (Видимо, не случайно, оказавшись в эмиграции, бывший царский чиновник Ордовский-Танаевский примет постриг, станет монахом.) Зашел разговор на аудиенции и о непоследовательной политике тогдашнего состава Святейшего синода, недаром критики называли его слепейшим.

Столь явное благоволение царской четы к одному из руководителей Пермской губернии не должно нас удивлять. Тут и намечавшаяся канонизация, и особые отношения Ордовского-Танаевского с небезызвестным Григорием Распутиным (императрице нужен был свой, верный человек, который «приглаживал» бы за «старцем»). После этого состоялась еще одна аудиенция, у императрицы Александры Федоровны, проходила встреча в Царском Селе 17 апреля 1916 г.

Это был воскресный день. Упрямый чиновник сделал еще одну попытку осуществить пермскую задумку. Ордовский-Танаевский, тогда уже пересехавший в Тобольск, вспоминал (орфография сохранена авторская):

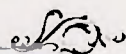
«...еду просить от лица населения Тобольской губернии осчастливить губернию и меня, как губернатора, присутствием на канонизации нового Святителя, митрополита Иоанна Максимовича Тобольского и Всея Сибири Чудотворца, и принять гостеприимство у меня в доме. Попутно напомнить о намеченной с 1913 года канонизации Святого чудотворца, мученика боярина Михаила Никитича Романова, замученного в лихолетье в деревушке Ныробке, Пермской губернии, родного дяди царя Михаила Феодоровича Романова...»

На той аудиенции, оказавшейся последней для обоих действующих лиц, и состоялся примечательный диалог. Александра Федоровна ясно выразила отношение царской семьи к намечавшейся канонизации. Читаем в мемуарах: «...взгляд Ея упал на мою книжицу „Ныроб. 1613–1913 гг.“.

– Да, кстати! Кончится эта небывалая война: мы и союзники будем готовы к 1917 г. вполне. Общим усилием враг будет сокрушен окончательно, и тогда осенью 1917 г. мы всей семьей поедem в Пермь – повесить доску на стенку дома, где был император Александр I, и в спальне освятим Вашу, ныне временную, Церковь. Вызовем Вас. Вместе проедem на канонизацию

*Госпиталь в Пермской казенной палате, под царскими портретами.
В центре сидит в темном костюме Н. А. Ордовский-Танаевский. 1914 г.*

предка, Михаила Пикитича Романова. Затем в Верхотурье, поклониться св. мощам Симеона Чудотворца, и потом в Тобольск...»

Настойчивость Николая Ордовского-Танаевского принесла свои плоды... но только отчасти и только не в пермских широтах. Чудотворец сибирский Иоанн Максимович был все же причислен к лику святых в Тобольске. И это оказался последний святой царской России. Боярина Михаила Романова канонизировать просто не успели. Обрушившиеся на страну исторические катаклизмы, крушение самодержавия, кровавая гражданская бойня, а затем установление богоборческой власти помешали осуществлению этих планов.

Как ни странно, но до сих пор не появилась и мемориальная доска на здании бывшей казенной палаты и казначейства, ныне – городской администрации г. Перми.

«ЗАЧЕМ УВЕКОВЕЧИВАТЬ УВЕКОВЕЧЕННОЕ?» (ПЕРМСКИЙ ФЕНОМЕН)

Если уж говорить о пермских противоречиях в отношении династических интересов... В конце 80-х гг. XIX в. в Перми не было никаких скульптур, никаких общественных памятников. В это нас заставляет поверить автор статистико-исторической справки «Губернский город Пермь» П. А. Вологдин (изд. 1887 г.): «Монументов, кроме надгробных, находящихся на кладбищах и в ограде кафедрального собора, нет».

Памятники стали появляться только в канун празднования 300-летия дома Романовых. В самой Перми были установлены орлы на чугунных кронштейнах, на мраморных плитах. По свидетельству старожилов, они стояли вдоль Казанского тракта и у храмов. Примечательна судьба этих памятников «верноподданничества» пермяков: мраморные плиты пошли... в баню на изготовление скамей.

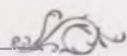
Что сегодня способно напомнить в Перми о посещении города царскими особами? В сущности, очень немногое.

Пермская депутация. Представители пермской общественности, избранные для поездки в столицу на прием к императору «по случаю счастливого его избавления» в 1866 г. Слева направо: с иконой стоит городской голова купец Ф. Каменский; от дворян П. Дягилев, В. Самойлов; от купеческого сословия В. Хотов, И. Марьин, И. Любимов, А. Кропачев; от мещан И. Кондрашин (из фондов Пермского краеведческого музея)

...Первым был Александр I, присезжавший сюда в 1824 г., за год до своей загадочной смерти в Таганроге. На память о том визите остались ротонда в бывшем Загородном саду да больница, отремонтированная к визиту; позже ее так и стали называть Александровской. После этого царствующий дом оставил губернию без внимания на многие десятилетия. Заглядывали сюда только великие князья, и то проездом. В память о подобных событиях ставились в основном мемориальные доски и оригинальные знаки, как, например, на условной границе Европа – Азия, сам факт пересечения коей грел душу каждой августейшей особы.

Во второй половине XIX в. стремление к увековечиванию вызывается уже, как правило, грозными событиями, покушениями на жизнь. Так было с покушением на Александра Освободителя (1866). По всем городам и весям прокатилась волна сочувствия, ставили храмы, часовни в память чудесного спасения. Появилась такая часовня и в Чердыни (была снесена богоборцами, но в 2013 г. ее восстановили). Пермская депутация ездила в Петербург, чтобы выразить Александру II свое сочувствие и уверения в преданности. Принимая пермскую депутацию, государь прочел адрес

Приезд Александра I в Пермь. Худ. К. Суляев

Цесаревич Александр с наставником поэтом В. Жуковским

от всех сословий г. Перми. Во время чтения он сказал: «Да, неслыханное доныне в России событие» (имея в виду выстрел Каракозова). И он добавил, взглянув на убеленного сединами купца В. В. Хотова: «Ты, конечно, помнишь, когда я был у вас в Перми? Я постараюсь еще побывать у вас». В Перми он гостил, будучи еще наследником трона, в 1837 г. Побывать еще раз помешали террористы.

Увы, не помогла пермская икона, как и молитвы, произнесенные в новом красивом Воскресенском храме Перми, сооруженном в память освобождения крестьян и во имя святого благоверного князя Александра Невского (1869).

В январе 1910 г. «Пермские губернские ведомости» напечатали сообщение «О сооружении памятника царю-освободителю». Газета напомнила

своим читателям, что городская дума решила поставить в Перми памятник императору Александру II – «в ознаменование великого события 19 февраля 1861 г.».

Торжественное открытие памятника думцы решили приурочить к 50-летию уничтожения крепостного права.

Таким образом, до открытия оставался всего год. Могли успеть. Но – не успели. Точнее, не смогли. И это несмотря на то, что была создана специальная комиссия и что возглавил ее сам городской голова П. А. Рябинин, а в состав ее вошли именитые пермяки, в том числе и представители церкви.

Не появился памятник представителю царствующего дома и к 1913 г., когда отмечалось 300-летие со времени воцарения Романовых на российском троне.

Тогда известный пермский проповедник игумен Серафим (Кузнецов) посвятил 300-летию свой журнал «Голос долга». Журнал выпускался в течение нескольких лет, правда не в самой Перми, а в Белогорском монастыре. Кстати, эта духовная обитель появилась также в память «счастливого избавления» на этот раз Николая Александровича в бытность его наследником трона. (Во время путешествия по Японии в 1891 г. на цесаревича напал самурай и ранил его саблей; с тех пор в арсенале ругательств русского народа появилось выражение «японский городской».) Нужно отдать должное игумену Серафиму, который на страницах журнала опубликовал в 1916 г. статью в защиту царской фамилии под названием «Оклеветанная семья».

Иеромонах Серафим передал выпуск журнала за 1912 г. нескольким августейшим лицам, в том числе и великому князю Михаилу Александровичу, и незамедлительно получил благодарность Его Высочества (через его адъютанта) в следующих словах: «Поручая себя молитвам Вашим, прошу Ваше Высокопреподобие принять уверения в совершенном моем уважении и истинной преданности»¹.

Станный и непредсказуемый этот г. Пермь, не правда ли? Чересчур независимый какой-то...

¹ *Голос долга. 1912. № 3.*

КОПЕЕЧНЫЙ ИНТЕРЕС?

Некоторые обстоятельства этой странной истории приоткрываются нам благодаря писателю Михаилу Осоргину. В одном из своих «Московских писем», которые он публиковал на страницах «Пермских губернских ведомостей» («ПГВ») во время учебы в Московском университете, Осоргин (Ильин) делится своими эмоциями при получении газеты из родного города. То он радуется успеху благотворительного спектакля, имевшего высокую цель помощи народной библиотеке-читальне. То «невольно удивляется нашим пермским думцам, так туго разрешившим вопрос об увековечении, открытии памятника царю-освободителю».

Пермский Гиляровский, как можно назвать на тот период М. Осоргина, цитирует одного из гласных думы, сказавшего: «Мне кажется, что

Портреты императорской четы в Мариинской женской гимназии.

Худ. А. Зеленин. 1910-е гг.

городской думе не представляется необходимости увековечивать всеми увековеченную намять» (!). Дальше тот же гласный, а за ним и вся дума решают заменить проектируемую постановку бюста императора Александра II портретом. «И везде, даже в таких делах, как воспоминание о великих исторических событиях, проскальзывает копейный интерес, прикрываемый громкой вывеской „городской экономии“»¹.

Не подействовал даже назидательный, воспитательный аргумент. Как писали тогда в пермской прессе: «Взирая на памятники, воздвигнутые предками, молодое поколение научается здоровому патриотизму и тем крепким государственным началам, которыми так могущественно наше государство».

В назидание Перми М. Осоргин приводит пример Москвы, которая «в лице своей более прогрессивной думы, не ссылаясь на то, что память царя-освободителя уже увековечена, решила в ознаменование события открытия памятника императору построить дом для училища на 600 человек». (Нельзя не удивляться тому, сколь радикально изменятся вскоре взгляды журналиста: по окончании университета он станет либералом и даже будет поддерживать, правда в течение короткого периода, боевиков.)

¹ ПГВ. 1898. 4 окт.

Портрет государя пермские думцы действительно заказали. В поиске исполнителя выбор «отцов города» пал при этом на местного (может быть, тоже из экономии?) живописца А. И. Зеленина, выпускника Императорской Академии художеств. Портреты венценосных лиц, царя и царицы, украсили зал Марининской женской гимназии¹.

В Перми шел сбор средств, пожертвований в память 19 февраля, причем пермяки имели возможность выбора: кто перечислял свои рубли на бюст Александра II, а кто – на детскую колонию. В 1901 г. на страницах ведомостей списки публиковались просто обширные. От служащих лиц, от совета старшин Пермского драматического кружка, который провел празднование 40-летней годовщины освобождения крестьян от крепостной зависимости...

Но в то же время публиковались и голоса против «увековечения увековеченного». В тот период юбилейные приготовления развернулись во всех городах необъятной империи. В декабре 1911 г. главная газета Пермской губернии извещала читателей о том, что работы по возведению в Санкт-Петербурге храма-памятника 300-летия царствующего дома Романовых временно приостановлены из-за наступивших холодов. Храм «вчерне доведен до куполов... общий расход составил 325 000 рублей без внутреннего устройства, которое зависит всецело от средств». Окончить же строительство храма намечалось к февралю 1913 г.

Средства на эти цели находились на текущем счету Волжско-Камского банка. Строительство велось «под августейшим покровительством Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича».

Храм-то в столице будет достроен, правда уже без покровительства великого князя: с этой почетной должности он будет отставлен своим венценосным братом за то, что пошел на мorganатический брак с Натальей Шереметевской. После этого Михаил был уволен из армии, а над всем его огромным имуществом, дворцами и пр. на какой-то период даже была установлена опека. Михаил Александрович будет прощен в начале Великой войны (Первой мировой). Но скандал действительно разразился нешуточный, и потушить его быстро не удалось. Докатился он и до Перми.

¹ Гладышев В. Ф. Царский подряд живописца // Восьмые Романовские чтения: Сб. тезисов научно-практической конференции. Екатеринбург, 2004. С. 85–90.

Монархический энтузиазм приугас, волну любви к царствующему дому поднять не удалось.

Только тщанием одного из потомков паромовщиков Каменских, Ивана Григорьевича, члена Госсовета, на территории Успенского женского монастыря (на углу Покровской и Биармской улиц) в ноябре 1911 г. была воздвигнута часовня, на которой чуть позже прикрепили мраморную доску с надписью: «В память 300-летия дома Романовых».

Больше – ничего.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПЕРМИ КАРТИНА ИНАЯ

Но стоит только выехать из губернской столицы – и картина меняется. В «Адрес-календаре и справочной книжке Пермской губернии на 1915 г.» мы читаем поистине удивительные выкладки по губернии:

«Весьма знаменательное явление, между прочим, то обстоятельство, что очень много памятников воздвигнуто государю императору Александру II. Кажется, нет в губернии такого завода, на площади которого не красовался бы памятник царю-освободителю, царю-мученику. Немало также в губернии сооружений, связанных с теми или иными событиями, происходящими в благополучно ныне царствующем императорском доме...»

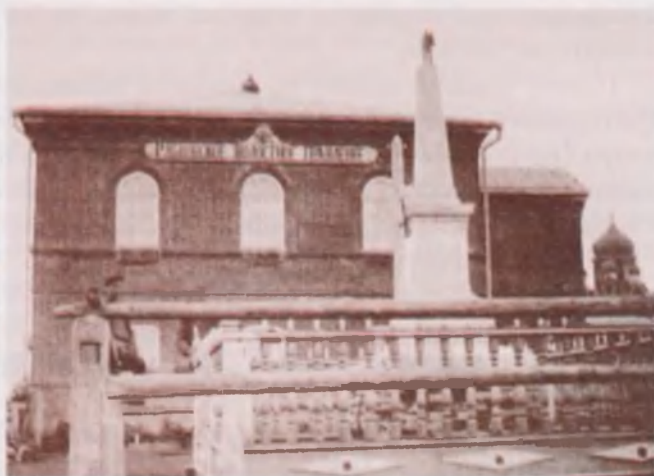
Царские бюсты появлялись как грибы после дождя: на Бымовском заводе (Осинский уезд, в поселении на тот момент было 4 тысячи жителей); на Ашапском заводе (ныне бюст царя-освободителя демонстрируется в Ординском краеведческом музее); на Юго-Камском заводе (здесь бюст восстановлен в 2006 г. на прежнем фундаменте, сохранившемся до наших дней)...

В 1913 г. Пермское уездное земство сообщило, что планирует ознаменовать 300-летие дома Романовых «устройством в Пермском уезде образцового приюта для неизлечимо больных (хроников)».

В соседнем Екатеринбурге (уездный город по отношению к Перми!) в 1896 г. был основан Дом трудолюбивых – в честь коронации императора Николая. А чуть позже здесь установили памятник царю-освободителю. После нескольких неудачных попыток Екатеринбургская городская дума решила поставить точную копию уже существующего монумента (скульптор – М. Попов).

*Александр II.
Подобные царские
бюсты стояли во многих
селениях, на заводах
Пермской губернии*

*Празднование юбилея династии Романовых.
В 2013 г. в Чернушинском районе, в с. Рябки,
восстановлен царский монумент в память
освобождения от крепостного права*

В Кунгуре в ознаменование 300-летия дома Романовых городская дума выделила денежные средства на строительство памятника боярину М. Н. Романову, дяде первого царя, «умученному заживо» в Ныробе Пермской губернии. Помогли кунгурские мастера и в изготовлении декоративных решеток для часовни в память мученика. В своем решении думцы также постановили открыть в Кунгуре Народный дом, перечислив на его содержание 500 рублей. Движение под названием «Народный дом» шло по всей империи, открыли его и в Мотовилихе, а вот в Перми «не успели»: помешала война.

В то время установить памятник царю, в принципе, было не так уж и сложно. К примеру, сестра Елизаветы Федоровны Романовой принцесса Баттенбергская, Виктория Федоровна, приезжавшая вместе со своей дочерью Луизой на Урал летом 1914 г., побывала и на Каслинском заводе. Так вот, там высокие немецкие гости «изволили принять в дар бюст царствующего государя императора в натуральную (!) величину». Отлит бюст был там же, в Каслях. Если бы визит немецких принцесс-путешественниц

состоялся всего несколькими днями позднее, едва ли бы сделали им такой царский подарок: началась война между Россией и Германией.

Другой пример касается уже самой Елизаветы Федоровны Романовой, великой княгини, старшей сестры российской царицы. Она приезжала на Урал тем же летом 1914-го, но не с увеселительно-познавательной целью, как ее сестра Виктория. Нет, Елизавета Федоровна совершала духовное паломничество. И вот 13 июля на пути в Белогорский Свято-Николаевский монастырь она приняла участие в организованном в ее честь освящении памятника Александру II. Бюст был воздвигнут в центре Бымовского завода в память 50-летия освобождения крестьян на средства общества.

Накануне поездки в Белогорскую святыню Елизавета Федоровна посетила Успенский женский первоклассный монастырь в Перми. Встретили ее у часовни в память 300-летия, открытой здесь И. Г. Каменским. В присутствии великой княгини за архиерейским богослужением известный пермский религиозный мыслитель Н. Колосов произнес поучение, в котором, в частности, сказал: «Что означает... любовь русского человека к этой жизни вне суетного мира, к житию монашескому, иноческому? Почему русский народ так любит храмоздательство? Почему, наконец, вся прежняя русская жизнь, все постройка на основах церковности и благочестия, вследствие чего один из наиболее вдумчивых современных художников НЕСТЕРОВ в известной своей картине «Святая Русь» изображает всех в Древней Руси – и богатых, и бедных, и здоровых, и больных, и старых, и молодых, устремляющихся к одному идеалу, к одному источнику счастья...»¹

А жизнь губернской столицы состояла совсем не только из приезда Ея Императорского Высочества.

В тех же номерах «Пермских губернских ведомостей» шла реклама гастрольного представления «Сенсация поражает умы!». Сенсацию творил Натан Шварц – человек, «заживо погребенный в земле на 2 с половиной аршина!»

Чтобы посмотреть на «человека с воловьими легкими», народ валил валом... Вот что надобно публике! Не зря, видимо, на страницах «Пермских

¹ Голос долга. 1914. № 8–11. Репортаж о поездке Елизаветы Федоровны по святыням пермских вышел также в виде брошюры в 1915 г. Аят.

ведомостей» местный пиит в стихотворном репортаже о первых демократических выборах в губернии ехидно подытожил: «...а монархистов нет как нет».

Хитроумные и прижимистые пермские земцы не сумели использовать 300-летний юбилей в практических целях. Не прошел номер с ходатайством, которое возбудило в январе юбилейного, 1913 г. Чрезвычайное уездное земское собрание, – об учреждении Романовского сельскохозяйственного и лесного института в память 300-летия царствования дома Романовых. Очень оперативно на заседании 28 января ходатайство было поддержано Пермской городской думой. Обещали привлечь и местные средства, в том числе ассигнования на политехникум, который «пробивали» тогда же для Перми. Ничего не вышло. В октябре того же юбилейного года граф П. Н. Игнатьев, министр народного просвещения, в ответе на имя городского головы П. А. Рябина сообщил, что Приуральский край включен в общий план учреждения высших учебных заведений, но осуществление означенного плана средствами казны весьма затруднительно. (В итоге Пермский сельхозинститут был основан только в 1918 г., сначала как факультет университета.)¹

Возникает стойкое ощущение, что конкретного результата способны достигнуть лишь одиночки-энтузиасты, такие как неугомонный организатор народных хоров А. Д. Городцов, поставивший в честь 300-летия дома Романовых оперу «Жизнь за царя».

Говоря о формировании мировоззрения уральских крестьян в общем процессе национального самосознания, не во всем можно согласиться с известным исследователем чердынской старины Г. Н. Чагиным. Изучая исторические представления крестьян Среднего Урала, отражение в устных источниках событий общероссийского и регионального масштаба, историк нашел яркие примеры того, «...как складывалась и укреплялась историческая традиция, связанная с верой русского народа в монарха и консолидацией Русского государства». Но только так ли уж благоговейно русский народ относился к носителям верховной власти, «поскольку в сознании людей они оставались хранителями православия»?²

Население окраин могло по некоторым случайным обстоятельствам оказаться ближе к событиям отечественного масштаба, и память о них со-

¹ *Пермская земская неделя. 1913. Янв. – февр.*

² Чагин Г. Н. *История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1999.*

хранялась на протяжении нескольких поколений. История с пыробским узником боярином Михаилом Никитичем – яркий пример распространения идеи о «божественной природе царской власти», идея, которая оказалась прочно забытой на многие десятилетия. Все по русской народной пословице «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

«В ПАМЯТЬ ЧУДЕСНОГО СПАСЕНИЯ...»

В пермском Свято-Троице-Стефановом мужском монастыре среди самых почитаемых святынь есть икона св. Александра, написанная по горячим следам события 1888 г. – «в память чудесного спасения Александра III и его семьи». Расскажем об этом подробнее, событие заслуживает того. Ведь это было первое потрясение, которое испытал 10-летний Миша...

«Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить! Этот день не изгладится никогда из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чуден, потому что Христос желал доказать всей России, что он творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в него и в его великую милость», – Александр III спустя всего месяц после катастрофы (в письме брату).

Александр III, отец Михаила Александровича, вошел в историю российской как царь-миротворец. Он вступил на престол в 1881 г., после трагической кончины Александра Освободителя, убитого террористами. В годы правления Александра III страна ни с кем не воевала. Как писали авторы юбилейного издания «Трехсотлетие дома Романовых», 13 лет непрерывного мира и благоденствия – это «редкое царствование, в течение которого государственный меч ни разу не вынимался из ножен и пахарь не призывался от возделываемого им поля жатвы на поле кровавой брани»¹.

¹ Трехсотлетие дома Романовых, 1613–1913. Репринт. изд. М., 1991.

Это был правитель, при котором не было ни одной войны, которому удалось остановить волну терактов и резко сократить количество великих князей, стоявших в очереди на казенное содержание.

Александра Александровича революционеры сильно не любили, издевались над ним, называя Тарасом Скотининым и т. п., и это, конечно, не случайно: людям, жаждавшим потрясений, было за что его не любить.

...Осенью 1888 г. царская семья возвращалась с юга после летнего отдыха. Поезд велик на паровозах, скорость составила около 68 км/ч. При таких условиях произошел сход 10 вагонов, причем путь в месте крушения проходил по высокой насыпи (около 5 сажен, это 10,7 метра). Авария императорского поезда произошла 17 октября 1888 г., в 14 часов 14 минут, на 295-м километре линии Курск — Харьков — Азов южнее Харькова.

По рассказам очевидцев, сильный толчок сбросил с места всех ехавших в поезде. После первого толчка последовал страшный треск, затем произо-

шел второй толчок, еще сильнее первого, а после третьего, тихого толчка поезд остановился. Перед глазами уцелевших от крушения предстала ужасная картина разрушения. Все бросились разыскивать императорское семейство и вскоре увидели царя и его семью живыми и невредимыми. Вагон с императорской столовой, в которой находились Александр III и его жена Мария Федоровна с детьми и свитой, был полностью разрушен: без

Александр III и Мария Федоровна

кочез, со сплюснутыми и разрушенными стенами, он полулежал на левой стороне насыпи; крыша его лежала частью на нижней раме. Первым толчком повалило всех на пол, а когда после разрушения пол провалился и осталась одна рама, все оказались на насыпи под прикрытием крыши.

Александр III, обладавший недюжинной силой, держал на плечах крышу вагона, пока семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков. Обсыпанные землей и обломками, из-под вагона выбрались император, императрица, цесаревич Николай Александрович — будущий российский император, великий князь Георгий Александрович, великая княжна Ксения Александровна, лица свиты, которых пригласили к завтраку. Большинство пассажиров этого вагона отделались легкими ушибами, ссадинами и царапинами, за исключением флигель-адъютанта Шереметева, которому раздробило палец руки.

В вагоне царских детей в момент крушения находилась лишь великая княжна Ольга Александровна, выброшенная вместе со своей няней на насыпь, и малолетний великий князь Михаил Александрович, который был вынесен из обломков солдатом при помощи самого государя.

Во всем поезде, состоявшем из 15 вагонов, уцелело только пять, оставшихся от действия автоматических тормозов Вестингауза. Остались также и оба паровоза. Вагон, в котором находились придворно-служашие и буфетная прислуга, был совершенно уничтожен, и все на-

ходившиеся в нем найдены в обезображенном виде — 13 изуродованных трупов были подняты с левой стороны насыпи из остатков этого вагона.

Весть о крушении императорского поезда быстро разнеслась по линии, и помощь спешила со всех сторон. Александр III лично распоряжался извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Императрица с медицинским персоналом обходила раненых, подавала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то, что у неё самой повреждена была рука выше локтя. Она осталась в одном платье. На плечи царицы накинули офицерское пальто, в котором она и оказывала помощь.

Читая о таком самоотверженном, истинно христианском поведении царицы Марии Федоровны, невольно вспоминаются восторженные строки Федора Тютчева, которые он написал в дни бракосочетания Александра Александровича с датской принцессой Дагмарой, будущей русской императрицей:

*Словно строгий чин природы
Предан был на эти дни
Духу жизни и свободы,
Духу света и любви.
<...>
Небывалое доселе
Понял вещей наш народ.
И Дагмарова неделя
Перейдет из рода в род...*

Провиденьем Божиим род царский был спасен. Но жертвы при крушении были, и немало. Всего пострадало 68 человек, из них 21 человек погиб. Только в сумерки, когда все убитые были опознаны и не осталось без помощи ни одного раненого, царская семья села во второй прибывший сюда царский поезд (свитский) и отбыла на станцию Лозовая, где ночью было отслужено первое благодарственное молебствие за чудесное избавление царя и его семьи от смертельной опасности. Затем императорский поезд отбыл в Харьков для дальнейшего следования в Санкт-Петербург.

С ведома царя расследование причин катастрофы в Борках было поручено прокурору уголовного кассационного департамента Сената А. Ф. Кони. Основной версией было крушение поезда в результате ряда технических факторов: плохого состояния пути и повышенной скорости поезда. В нарушение железнодорожных правил того периода, ограничивавших число осей в пассажирском поезде до 42, в императорском, состоявшем из 15 вагонов, было 64 оси. Вес поезда был в рамках, установленных для

грузового, но скорость движения соответствовала экспрессу.

Интересно, что Сергей Вите, российский министр финансов, который до назначения на этот пост в течение короткого периода руководил ведомством путей сообщения, ставил себе в заслугу спасение царского поезда. Оказывается, незадолго до того он распорядился об ограничении скорости движения на подобных участках. Так что, если бы скорость была больше, последствия были бы еще ужаснее, утверждал бывший министр.

В результате проведенного следствия были уволены в отставку министр путей сообщения адмирал К. Н. Посьет, главный инспектор железных дорог барон Шернваль, инспектор императорских поездов барон А. Ф. Таубе, управляющий

Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой инженер В. А. Кованько и ряд других чиновников. Однако через несколько месяцев незавершенное расследование было прекращено... по высочайшему повелению. О причинах этого решения императора можно только догадываться. Возможно, связано это с тем, что в распоряжении следствия появились факты иного рода, которые намекали на существование следа террористов. Во всяком случае, Александру III показалось, что все, хватит искать стрелочников.

Версия с заговорщиками не нашла впоследствии убедительных документальных подтверждений.

Возможно, объяснение прекращения следствия кроется в своеобразном, несколько патриархальном отношении Александра III к некоторым вопросам власти. Во всяком случае, так считал С. Любош, партийный публицист, написавший антицарский памфлет «Последние Романовы».

*Александр Александрович с семьей.
Миша слева и Ники сзади отца*

Экскурсия у царской доски в православной гимназии

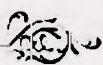
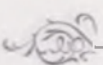
Он приводит высказывание императора, отпущенное им по поводу беспорядков в Ростове-на-Дону: «Если бы посечь главных заговорщиков, а не предавать суду, было бы полезнее и проще». Так же отнесся Александр Александрович и к неудачной попытке покушения на него (в которой участвовал, между прочим, и А. Ульянов, брат Ленина): с заговорщиками, арестованными на Невском проспекте с бомбами в форме книжек, царь предпочел «расправиться келейно, без излишней гласности и шума»¹.

Спустя два-три дня после крушения во всех пермских храмах, как и по всей стране, служили молебствия по случаю «чудесного избавления от угрожавшей опасности августейшего семейства». На призыв Преосвященнейшего Владимира, епископа Пермского, об открытии в г. Перми церковно-приходской школы «в ознаменование чудесного спасения царской семьи в катастрофе 17 октября 1888 г.» первым откликнулся причт Рождество-Богородницкого храма².

Благословлены были первые 13 мальчиков в торжественной обстановке при стечении всего духовенства города и высших представителей город-

¹ Любош С. *Последние Романовы*. Л.: М., 1924.

² Морозов В. *Краткий исторический очерк жизни и деятельности церковных школ в пределах Пермского уезда*. Пермь: Типолитография губернского правления. 1909.

скон власти 14 ноября 1888 г. Но заниматься первым ученикам Богородицкой церковно-приходской школы приходилось в разных местах Перми, можно сказать, они ютились по углам. Так продолжалось до тех пор, пока созданное при храме попечительство не построило новое добротное здание. Об этом напоминает мемориальная доска – уникальный памятник, чудом сохранившийся в подвалах бывшей Богородицкой школы. Ныне доска укреплена в помещении этого красивого краснокирпичного здания, возведенного по проекту Александра Турчевича в 1896 г. Надпись гласит: «Будущим поколениям. Богородицкая школа открыта в память события 17 октября 1888 года».

Повод этот – «в память события 17 октября» – еще не раз будет использован в те годы. Вскоре после происшествия купцами-пароходчиками братьями Федором и Григорием Каменскими был заложен детский приют и храм Марии Магдалины. Этот благолепный храм был возведен на углу Верхотурского проулка и Покровской улицы по проекту того же А. Б. Турчевича.

17 октября послужило поводом для появления как минимум нескольких интересных архитектурных творений. Одно из них появилось с помощью пермского «чайного короля». На южном берегу Крыма, в имении Форос, в 1892 г. в память о «чудесном спасении» императора Александра III и его семьи была построена и 4 октября освящена церковь Воскресения Христова. Храм возведен на средства владельца имения Форос чаепромышленника уроженца Кунгура А. Г. Кузнецова (проект академика архитектуры Н. М. Чагина).

Мастеровые Добрянского завода в память этого же события решили построить металлическую часовню в заводском поселке. И в августе 1892 г. изящная часовня во имя святого благоверного князя Александра Невского была открыта. Построена она по проекту управляющего заводом П. И. Сюзева. (Чугунная часовня-памятник была снесена в 1933 г., восстановлена в 2000 г. из кирпича.)

Кроме того, православные жители Добрянского завода заказали колокол, отлитый на Ярославском заводе Оловянишниковых, весом 101 пуд (это более 1 600 кг). Колокол украшали изображения Александра Невского, Марии Магдалины, Николая Чудотворца и Митрофана Воронежского. Подбор святых не случаен, последний святой выбран потому, что колокол предназначался для Свято-Митрофаньевской кладбищенской

церкви. Как считает добрянский краевед М. Калинин, проект рисунков на колоколе был составлен П. И. Сюзовым, управляющим Добрянским заводом. Сам Александр III был изображен в профиль с царским вензелем и государственным гербом. Надпись гласила: *«Благовествуй, земля, радость великую, хвалите, небеса, Божию славу. Сей колокол сооружен усердием жителей Добрянского завода в память чудесного избавления от смертной опасности благочестивейшего государя императора Александра Александровича на железной дороге 17 октября 1888 года»*.

ВОСПИТАНИЕ В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

У Александра Александровича и Марии Федоровны было трое сыновей и две дочери. Старший сын Николай сменил его на престоле, средний Георгий умер молодым от туберкулеза. Младший сын Михаил был любимцем отца.

Оба они любили подшучивать друг над другом, обмениваться розыгрышами.

Однажды царь полил Мишу, как клумбу, из садового шланга. Миша стал выжидать случая для реванша. И дождался! Как-то после обеда царь, по обыкновению, стоял у раскрытого окна своего кабинета и курил сигару: он прислушивался к мнению своей супруги, не позволявшей ему курить в комнате. Стоило ему высунуться из окна, как Михаил, карауливший этажом выше, вылил на государя всея Руси ведро воды. По свидетельству очевидцев, царь тоже сделал хорошую мину при плохой игре, пожалев только пропаншую сигару.

Комичный случай этот наглядно показывает, в какой атмосфере воспитывались дети в царской семье. Приведем еще один пример. Царь отличался необыкновенной физической силой. Дети частенько просили отца разорвать пополам колоду карт или согнуть кочергу или подкову. Надо сказать, государь в этом удовольствии себе никогда не отказывал, предварительно убедившись, что в комнате нет государыни, которая бывала недовольна, когда портили игрушки и домашнюю утварь.

Со своим семейством он обращался, если смотреть со стороны, строго, но любил детские забавы. Вообще, Александра III еще называют самым экономным из русских царей. Это при нем, и в немалой степени под влия-

янием его супруги, были сокращены расходы на личные нужды семьи. Об этом императоре говорят, что он свернул все реформы, начатые его отцом. Все же некоторые новшества проводились в жизнь, в частности было сокращено количество членов царского семейства и, главное, продолжительность времени, в течение которого их высочества могли рассчитывать на постоянное государственное обеспечение, довольство. Указ 1885 г. был издан, и Александра III не остановило даже сильное неудовольствие многочисленных родственников.

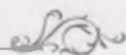
Шведский исследователь Стаффан Скотт в своем исследовании о семье Романовых рассказывает такие случаи. Однажды Александр III отругал брата Сергея со словами: «Перестань играть в царя!» А после железнодорожного крушения, когда царь своей богатырской силой удержал крышу вагона и спас жизнь семье, он саркастически сказал: «Слава богу, и я, и мальчики живы. Как Владимир будет разочарован!»¹ (Владимир Александрович – его старший брат, т. е. ближайший наследник престола после Александра и его сыновей.)

Александр III, в силу занятости государственными делами, не мог следить постоянно за обучением своих детей. Но он сам, лично, подбирал

Великий князь Михаил Александрович в полевом наряде царевича на историческом балу, устроенном в Зимнем дворце в феврале 1903 г.

¹ Скотт С. Романовы / Пер. со швед. Екатеринбург, 1993.

состав домашних учителей, без его одобрения, конечно, наставники во дворце не появлялись. Сергей Юльевич Витте, министр финансов России и статс-секретарь, вел занятия с цесаревичем Михаилом. Сохранился конспект лекций «О народном и государственном хозяйстве», прочитанных Его Императорскому Высочеству Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг.

В своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте, кстати, оценивал способности своего ученика достаточно сдержанно. О педагогических наклонностях императора Витте пишет прямо и без обиняков в том смысле, что Александру III «казалось необходимым с этим революционным течением („ненормальным либерализмом“), со смутой поступить резко и твердо. Такое направление ему было внушено, с одной стороны, его учителем профессором Победоносцевым, а с другой стороны – некоторыми петербургскими сферами, во главе которых стоял Строганов».

Бывшего обер-прокурора Синода Константина Победоносцева, также ставшего одним из царских учителей, Сергей Витте оценивает так: «Человек громадного ума, громадного таланта, но тем не менее крайне узкого». Он приводит слова Николая, старшего сына Александра III, о Победоносцеве: «Отличный критик, но сам ничего никогда создать не может».

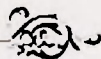
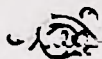
Профессор страдал «полным отсутствием положительного жизненного опыта... одной критикой жить нельзя, надо идти вперед», писал С. Ю. Витте¹.

Таким образом, под крышей царского дворца сошлись две школы, два разных мировосприятия. Когда царские дети стали старше, они должны были определить для себя, чьи взгляды им ближе, а главное, кто из их ученых учителей ближе к жизни, кто лучше понимает движущие силы современности.

Выбор делал каждый для себя свой.

Весьма характерная дискуссия двух самых просвещенных деятелей, Победоносцева и Витте, состоялась в Государственном Совете. Тогда шло обсуждение проекта «Об ответственности хозяев фабрик и промышленных заведений перед рабочими за смертельные увечья и проч.». К. П. Победоносцев держал большую речь против проекта, указывая на то, что в нем есть «стремление, симпатия к различным социалистическим

¹ Витте С. Ю. *Воспоминания*: В 2 т. М., 1960.

идеям». Он говорил: «...у нас в России между работодателем и рабочим существуют совершенно другие отношения, более патриархальные и человеческие. И вообще, с развитием социализма за границей такие идеи входят в сознание нашего правительства».

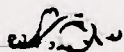
Такое обвинение вызвало у министра финансов г-на Витте только улыбку. Он был уверен, что необходимость такого закона давно назрела. Хотя в чем-то Победоносцев был прав, конечно. В том, к примеру, что данный проект будет способствовать созданию «пролетариата».

В вопросах воспитания очень большую роль играет репутация. Александр Блок, замечательный русский поэт, один из тех, кого в русском обществе рубежа веков относят к властителям дум, рисуя обобщенный портрет той эпохи, выразил мнение о репутации Константина Победоносцева в известных строках: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». В то время в России жил другой властитель дум, другой Константин – философ К. Леонтьев. В его трудах содержались мысли, столь важные для правящего монарха. В сжатой форме они выразились в словах о необходимости «подморозить» страну, дать ей успокоиться после реформаторской «горячки». Константин Леонтьев, врач по образованию, в конце жизни ставший монахом, пожертвовал ради своих взглядов служебной карьерой. Вместо дипломатической службы он выбрал путь горный и трудный.

В отличие от Победоносцева философу не нужна была власть, но своим византийско-аскетическим идеалом, созданным в его трудах, он оказался нужен России. Он смыкался с реакционным крылом мыслителей? На тот момент, в годы правления Александра III, возможно, это и так. Но правы те аналитики, кто подметил: в реакционности Леонтьева есть нечто от духовной аристократичности Ницше, а в «белом нигилизме» Победоносцева всегда присутствовало нечто от полицейского участка и застенков инквизиции.

Во всяком случае, Александр Александрович не стал выбирать между тезками-советниками, между «эстетически византийствующим» Леонтьевым и «бюрократически кошунствующим» Победоносцевым. По своему обыкновению, царь взял в обеих позициях самое полезное, то, что было созвучно его восприятию жизни. И оказался на тот момент прав.

Александр III наследовал государство, потрясенное внутренней смутой, взволнованное царевубийством. Успокоение страны было достигнуто рядом своевременных мер, направленных на увеличение народного благо-

состояния. Уверенная политика во внутренних и внешних делах привела к тому, что значение России среди европейских держав поднялось на необыкновенную высоту.

Умер Александр III в 1894 г. от почечной болезни, не дожив до 50 лет. Предполагают, что нефрит, болезнь почек, развилась у царя в результате посттравматического осложнения после крушения 17 октября.

В «Воспоминаниях» Сергей Витте пишет о железной дороге на Урал: «Мне удалось во исполнение завета Александра III осуществить линию, идущую от Сибирской магистрали через Пермь к Котласу. Таким образом явилась возможность доставлять весь сибирский хлеб на Северную Двину, где судоходство идет в большом размере и может быть развито еще больше... Подкупило же членов Сибирского комитета то обстоятельство, что благодаря этой линии открылся путь для сбыта хлеба на север. Это соответствовало помещичьим тенденциям, чтобы хлеб в приволжских губерниях был если не возможно дороже, то, во всяком случае, не чрезмерно удешевился...»

Витте, большой мастер интриги, сумел в железнодорожном деле выйти сухим из воды. Хотя в то время снаряды падали близко, как говорится, ведь Савва Мамонтов прогорел и попал под суд именно на железнодорожных акциях. В 1906 г. некто SMALL, автор брошюры «Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте в Портсмуте», написал о злоупотреблениях Витте на посту министра финансов, в частности в железнодорожных делах.

Напомним: после проигранной Русско-японской войны Витте, к тому времени находившийся в отставке, руководил русской делегацией в Портсмуте и за заключение мира с Японией получил от социал-демократической прессы ехидную кличку – граф Полусахалинский. Хотя условия мирного договора, благодаря опыту и хитрости Витте, оказались для России как проигравшей стороны не самыми тяжелыми, это совсем не походит на позорный Брестский мир, заключенный большевиками в 1918-м.

Так вот, критик SMALL указывает, что дорога ПЕРМЬ – КОТЛАС, важную часть которой составляет линия Петербург – Вологда – Вятка, строил родственник жены Витте инженер Быховец, а Архангельско-Ярославской дорогой одно время управлял другой ее родственник...

Инженер Игнатий Быховец – тот самый, который строил мост через Каму, вокзалы в Перми и Екатеринбурге. Пермь были премного благодарны этому искусному деловому специалисту.

Никаких мер по отношению к С. Ю. Витте принято не было. Все тонкости в вопросах заключения договоров, контрактов, подрядов вскрыть не удалось, дело было сделано, как говорится, и победителей не судят. Кто тут прав в давней тяжбе, остается загадкой. Читая «Воспоминания» всесильного царского министра, понимаешь, что Константин Леонтьев, с его рыцарски выверенным честным идеалом и кодексом нравственности, к любимым мыслителям и учителям жизни для Витте явно не относился. По части принципов министр допускал очень частые послабления и «порадеть родному человечку» не считал зазорным. Не случайно один из его критиков отпустил шутку, что Витте выпустил книгу «Принципы железнодорожных тарифов» и это были единственные принципы, которых он придерживался.

Уместно будет вспомнить еще одно событие, связанное с самым сильным и самым верным императору министром. С. Ю. Витте 21–22 августа 1896 г. посетил Пермь. Главная цель его поездки заключалась в ознакомлении с опытом введения в губернии казенной продажи вина, с работой питейных заведений. Интересовала его также работа Комитета народной трезвости. Витте посетил спиртоочистительный завод, винные лавки, заслушал отчет губернатора о проделанной работе и дал ей положительную оценку. Побывав в Богородицкой школе, где высокий гость познакомился с энтузиастами хорового пения, движения, ставшего основой борьбы пермяков за народную трезвость, г-н Витте был очень впечатлен всем увиденным и услышанным и остался очень доволен.

ЦАРСКИЙ ЗАВЕТ (КАК ПЕРМЯКИ РУССКИЙ МУЗЕЙ СПАСАЛИ)

Еще один царский завет касался создания истинно национального музея русского искусства. Так получилось, что выполнили этот завет уже после смерти императора. Говоря о его национализме, нужно подчеркнуть: Александр III четко осознавал, что он – император ВСЕХ подданных. Витте пишет: «Хотя национальная точка зрения в истинном ее смысле была не чужда духу императора, но национализм его был в высшей степени благородный».

Началась коллекция публичного общедоступного музея национального искусства с покупки императором картины Ренина «Николай Мирликий-

ский избавляет от смерти трех невинно осужденных». Произошло это на 17-й выставке Товарищества передвижников в 1889 г. В этом смысле можно говорить о счастливом совпадении устремлений передовой демократической общественности страны и правящего монарха.

Отцовский замысел осуществил император Николай II. Именно он, почти сразу же после восшествия на престол, подписал 13 апреля 1895 г. высочайший указ «Об учреждении особого установления под названием „Русского музея императора Александра III“ и о представлении для этой цели приобретенного в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом».

Указ начинался словами: «Незабвенный Родитель Наш, в мудрой заботливости о развитии и процветании отечественного искусства, преуказал необходимость образования в С.-Петербурге обширного музея, в коем были бы сосредоточены выдающиеся произведения русской живописи и ваяния».

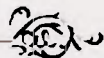
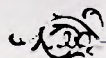
Колесо истории так повернулось, что в годы Великой Отечественной войны Русский музей спасла Пермь. Богатейшее собрание ленинградского музея было эвакуировано в город на Каме, он назывался тогда Молотов. Все сберегли, все произведения были сохранены. Музейный коллектив даже провел две выставки, одна из которых была посвящена юбилею выдающегося русского художника Ильи Репина.

«Николая Мирликийского» не показали (зачем советскому человеку религиозное искусство?). Дореволюционную репродукцию этого забытого исторического полотна мне удалось случайно найти в альбоме с дореволюционными открытками у родственников, в обычной семье пермских интеллигентов.

Успех той выставки, прошедшей в 1944 г. в Пермской галерее, был просто небывалый. Люди отвыкли за военные годы от высокого искусства. Старожилы рассказывают, что многие даже не верили, что картина «Бурлаки на Волге» – настоящая.

Так повернулась судьба. Спустя полвека в залах Пермской художественной галереи состоялась выставка шедевров из Русского музея – музея Александра III. Девизом ее стали слова благодарности через десятилетия: «Спасибо, Пермь!»

А колесо истории не остановить. Еще поворот – и из музейных запасников нам был явлен очередной забытый шедевр с неизвестным портретом великого князя Михаила Александровича.

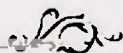
К поиску подключились читатели, они помогли сделать находку...

«С интересом прочитал ваши новые изыскания о Михаиле Александровиче Романове. Я тоже считаю, что в Перми мало делается для увековечения его памяти, а „пермское злодеяние“, как названо убийство Михаила Александровича и его секретаря, надо замаливать делами. Меня очень за-

Коронация Николая Романова.

Младший брат Михаил стоит за ним в центре. Худ. В. Серов

интересовала иллюстрация, на которой изображена сцена коронации Николая, а его брат стоит рядом. Судя по всему, это картина, а не фотография, тогда кто автор? С уважением, Константин Николаев, Пермь».

Читатель прав, речь идет действительно о картине, и история ее создания не менее интересна и поучительна. Автор этого забытого произведения – замечательный русский художник В. А. Серов (1865–1911). Картина «Коронация» (полное название – «Торжество миропомазания в Успенском соборе», в смешанной технике акварель и гуашь) была написана по заказу Императорской Академии художеств зимой 1896 – летом 1897 г.

Коронация проходила, напомним, в мае 1896 г. Материалом для картины молодому мастеру послужили натурные зарисовки, сделанные им во время самой церемонии, и эскиз маслом (хранится в Третьяковской галерее). Заказ имел целью издание коронационного альбома, для которого также работали лучшие русские мастера: И. Репин, В. Васнецов, В. Маковский, А. Рябушкин, А. Бенуа (издан в 1898 г.).

Учитель Серова И. Е. Репин, который одновременно являлся и его коллегой по выполнению ответственного царского заказа, с самого начала наблюдал «тихую, упорную работу молодого гения», поскольку Серов писал свою композицию в репинской мастерской. Учитель был просто в восторге от произведения своего недавнего ученика. Он отмечал в своей статье о Серове особую художественность композиции, а также «...типичность, живую портретность не только отдельных лиц, но и целых фигур с их своеобразием живых манер».

Но главную прелесть «Коронации» Серова, по мнению Репина, составляет отсутствие пошлости.

«Наши заурядные художники, – пишет Илья Ефимович, – а в унисон с ними все любители – о, как это знакомо! – при одном только слове о такой официальной теме, как коронация, бегут от нее, сейчас же громко вопиют и отпевают художника, уверяя, что эта совершенно нехудожественная тема никогда не даст картины, выйдет нечто шаблонное, избитое до скуки. Бедный художник... проданся!.. Между тем именно здесь, на этой теме, и обнаружился во всей красе истинный художник громадного таланта. Ко всему этому официальному великолепию Серов подошел живым, любящим человека человеком, потому и все лица вышли у него полны жизни, настроения и красоты пластической»¹.

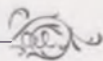
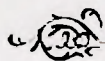
¹ *Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников: В 2 т. Т. 1. Л., 1971. С. 32–34.*

В полной мере эти слова Репина относятся и к портретной характеристике младшего брата Николая, Михаила Александровича. Чувствуется, что художник отнесся к цесаревичу с полной симпатией.

Мнение о том, что картина не окончена, было весьма распространено. Хотя внимательным ценителям сразу стало понятно, что картина исполнена в современном, характерном серовском стиле. Нетрудно предположить, что советчиков у художника было немало, и главный из них – великий князь Владимир Александрович, который являлся президентом Академии художеств. Все это мешало автору, но Валентин Александрович сумел отстоять свое видение, право на свой подход к сложной теме. В письме, адресованном секретарю Академии художеств, Серов пишет: «Препровождаю Вам акварель, до некоторой степени исправленную, не очень, впрочем, – больше не могу (!), – будет, примут так примут, а не примут – так не примут; во всяком случае, она будет у Вас на сохранении».

В кругах художников поговаривали, что на Серова негативно подействовала Ходынская катастрофа, случившаяся во время возведения Николая на царский трон в Первопрестольной. Сам автор на эту тему не высказывался. Коронационные торжества всегда становились большим событием для огромной империи. Во время коронации Николая Романова произошли печальные события: тысячи простого народа, пришедшие на Ходынское поле посмотреть на помазанника Божьего, создали ужасное столпотворение. Во время раздачи «царских подарков» возникла давка, были десятки погибших, просто задавленных в толпе. Безвинные жертвы Ходынки были похоронены в братской могиле на Ваганьковском кладбище. Многие увидели в этой трагедии грозный знак, предзнаменование испытаний молодому царю.

Устраивались торжества на широкую ногу, проходили в присутствии полномочных депутатов от всех губерний, от всех сословий. Так, от Перми по случаю восшествия Николая II для представления молодому государю была избрана депутация в составе городского головы г. Перми статского советника А. В. Синакевича и ассистентов (так назывались их полномочия) почетных граждан 1-й гильдии купца А. Г. Каменского и И. Н. Суслина; в последний момент в депутацию был включен барон А. А. Медем. От губернского земства в Петербург ездил председатель земской управы А. А. Попов. 17 января 1895 г. пермская депутация, как пишет летописец В. Верховланцев, «имела счастье представиться государю императору и поднести икону и хлеб-соль». Иконы св. Стефана Перм-

ского и Симеона Верхотурского, преподнесенные Николаю от пермского губернского земства, представляли собой настоящее произведение кустарного камнерезного искусства. Образ был сделан из цельного куса дымчатого прозрачного топаза, из него кустарь-пермяк высек изображения свв. Стефана и Симеона. Весил топазовый образ 17 фунтов.

Интересно, что пермяки до этого уже встречались с Николаем Романовым, было это в июле 1891 г., когда Николай, тогда еще цесаревич-наследник, возвращался из кругосветного путешествия. Но тогда путь молодого Романова пролегал не через Пермь, а южнее, поэтому для приветствия наследника пермская депутация выезжала с дарами в г. Троицк Оренбургской губернии. По традиции стороны обменялись подарками. Тогда представители пермского общества – а ими были губернатор Лукошков, исправлявший должность председателя губернской управы В. В. Коналевский и председатель уездной земской управы А. А. Малев – получили от Николая «портреты Его Высочества с его собственноручной подписью», т. е. с автографом.

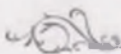
Илья Репин, когда задумывал свою грандиозную многофигурную композицию «Заседание Государственного Совета» (писал он ее в компании со своими ближайшими учениками), также работал над портретом младшего брата царя. На картине великий князь Михаил в парадном облачении сидит рядом с императором. Так что Илья Репин, выдающийся портретист-психолог, отдавал отчет своим восторженным оценкам «Коронации» Валентина Серова. Он сожалел только об одном: что «этой великой картины почти никто не видел, то есть очень мало счастливых, кому доступен тот футляр в светлейших чертогах царя».

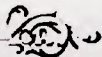
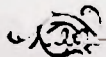
Ничего не изменилось в этом смысле и в советские годы, картина на долгие десятилетия исчезла из поля зрения даже искусствоведов. Она извлечена из плена лишь недавно.

Невольно вспоминается мнение одного из критиков прошлого, который подвел под эту неудачу (с его точки зрения) идейную базу: «Картина не суждено было воплотиться. Трагедия Ходынки так повлияла на художника...»

ГРОЗНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА

Раздумывая над пермскими противоречиями, над «копеечными интересами», как выразился молодой М. Осоргин, можно прийти к неожиданно-

му выводу. То, что губернская Пермь осталась без скульптурного воплощения «хозяина земли Русской» (так называли официально российских самодержцев), имело, судя по всему, некий символический смысл. Начались нерадостные, грозные пророчества. Не зря, видимо, Иоанн Кронштадтский, будущий православный святой, увидел над Пермью черный крест.

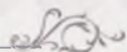
Отдаленные раскаты катастрофы нарастали. Один из пермских краеведов делает в 1915 г. категоричный вывод: «...в обилии царских монументов... сказывается беспредельная и горячая верноподданническая любовь к верховным хозяевам земли Русской. Взирая на памятники, воздвигнутые предками, молодое поколение научается здоровому патриотизму и тем крепким государственным началам, которыми так могущественно наше государство».

Теперь-то мы знаем, что далеко не все в этих словах соответствовало истинному положению вещей и состоянию нравов наших предков. Всякое чрезмерное, узконаправленное увлечение «монументальной пропагандой» в честь одного деятеля или группы лиц – верный признак скорого разложения, упадка, т. е. как раз слабости, а не «крепости государственных начал». Россия в 1915 г. уже вступила в полосу тяжелейших испытаний. Через несколько лет именно на Урале будут казнены «простыми верноподданными» многие члены семьи Романовых.

Не могло пройти бесследно столь настойчивое отторжение увековечения царского образа и имущими слоями («денежными мешками»), и значительными слоями крестьянства, и тем более новыми пролетариями, а особенно всяческими люмпенами (старые заводы закрывались, многие рабочие оставались без дела).

Отторжение имело под собой корни давние, много селилось на Урале беглых, вольных, независимых по духу староверов или просто наказанных и обиженных. Вспомним: купечество, в том числе и пермское, во многом состояло из старообрядцев, бывших или оставшихся таковыми в душе.

Одно несомненно: 300-летняя история дома Романовых прочно связана с Пермским краем. Здесь, на уральской земле, можно отыскать начало и конец, альфу и омегу русского монархизма. Чуть ли не первым об этом обстоятельстве написал... один из организаторов убийства Михаила «Последнего» большевик Гавриил Мясников в книге «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова»...

Михаил Александрович с медведем

...на коне...

Михаил на своем «козеле»
в Бад-Киссингене. Октябрь 1912 г.

II

**«ОН ВЫДВИНУЛСЯ БЫ
НА ЛЮБОМ ПОСТУ»**

КОРОНА И МОНОГРАММА -М. А.»

Личность Михаила Александровича Романова привлекает в последнее время внимание многих исследователей истории российской смуты XX века. И это не случайно. Вот как охарактеризовал «последнего императора России» человек, хорошо его знавший, великий князь Александр Михайлович: «Он очаровывал всех подкупающей простотой своих манер. Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал методичным умом и выдвинулся бы на любом посту, если бы не заключил своего морганатического брака».

Последнюю надежду Российской империи, как называют еще этого человека, всецело полагававшегося на волю народа (на Учредительное собрание), расстреляли в ночь на 13 июня 1918 г. мотовилихинские боевики, произошло это на окраине Перми. Михаила убрали первым из Романовых, и это уже говорит о многом. Уже будучи гражданином республики, даже находясь на положении ссыльного в Перми, Михаил Александрович представлял реальную угрозу для одних и серьезную политическую фигуру для других.

Какую роль играл Михаил Романов во внутривнутриполитическом раскладе противоборствующих сил в 1918 г.? Почему он был так интересен иностранным спецслужбам, почему до последнего момента его не сбрасывали со счетов в дипломатических кругах как стран Антанты, так и Германии? Воевал на самом деле Михаил в годы Первой мировой или был просто шефствующим командующим, как это заведено для членов августейшей фамилии? Каким человеком он был в жизни?

На эти и другие вопросы позволяют дать ответы новые материалы и документальные свидетельства, в том числе и личные дневники Михаила Романова, поступившие в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) в начале XXI в. Доступ к ним для исследователей был открыт только недавно. Одним из первых читал романовские дневники автор этих строк. Долгожданную возможность поработать

Романовы. Император Николай и Михаил, еще цесаревич, в центре

в столичных архивах с неизвестными источниками я получил благодаря рекомендации директора ГАРФА Сергея Мироненко.

Исследуя жизнь великого князя Михаила Александровича Романова в Перми, я нашел ответы на ряд «пермских» вопросов в недоступных ранее документах¹.

Должны сразу разочаровать любителей светской хроники и «малинки» из жизни великих: к дневникам Михаила Романова мы обратились не из праздного любопытства. Наша задача – представить личность Михаила объективно, крупным планом, и обывательскому интересу здесь не место.

¹ ГАРФ. Ф. 668, оп. 1.

Известно, что в царской семье детей приучали вести дневник с малых лет. Это входило в привычку. До самого последнего дня вели дневниковые записи и Николай Романов, и его младший брат Михаил.

До сих пор был известен только пермский дневник Михаила Александровича, крайние даты – с 25 апреля (8 мая) по 29 мая (11 июня) 1918 г. Между тем в Пермь бывший великий князь был доставлен 17 марта. Как жил Романов все предшествующие дни? Где отсутствующие дневники? И вот наконец-то появилась возможность восполнить пробел. В моих руках – памятные книжки на 1915, 1916, 1917 и 1918 гг. Небольшого формата, но пухлые тома темно-синего цвета, изящно переплетенные, с золотым обрезом, в синих же футлярах. В левом углу каждой книги корона и монограмма из двух переплетенных инициалов «М. А.».

В первом томе, за 1915 г., записи сделаны от руки, характерным крупным почерком, с сильным наклоном вправо. Следующие дневниковые книги автор вел уже при помощи пишущей машинки, которую он быстро освоил.

Что поражает, сохранились еще своеобразные закладки, оставленные великим князем, – засушенные цветки. Много лет пролежали они нетронутыми между страничками. По оставленным растениями следам на страницах, по соседствующим записям можно сделать вывод, что представляет этот памятный гербарий, где сорваны цветки. Это белые фиалки, анемоны, баранчики, сорванные у Гатчинского чайного домика...

«ДЖИГИТ МИША»

...26 ноября 1916 г. в Перми прошел кавалерский праздник ордена Св. Георгия Победоносца, т. е. в честь тех, кто стал георгиевским кавалером в сражениях на театре Великой европейской войны – именно так называли первую империалистическую бойню газеты тех лет. «Получить Георгия» означало проявить подлинную, личную храбрость, это была самая высокая награда.

Неслучайно российский император и его младший брат великий князь Михаил в будние дни из наград носили на мундире только Георгиевский крест. История награждения Михаила Георгием довольно поучительна...

В мирное время военную подготовку великий князь получил превосходную, был отличным наездником и стрелком; от отца он унаследовал недюжинную физическую силу. В военных дневниках говорится о том, как следил великий князь за «контролем мускулов». Его особенно привлекала, помимо автодела, авиация, в журналах начала XX в. появлялись фотографии младшего брата императора в общении с летчиками; был у него и личный аэроплан. За плечами у Михаила – 16 лет службы в армии, командование двумя кавалерийскими полками: известными черниговскими гусарами и «Шевалье Гард». Он заслужил репутацию отличного командира.

В августе 1914-го, когда началась Великая война, Михаил не смог усесться за границей (где он на тот момент находился, попав в немилость у царя из-за своей женитьбы на Натали). Движимый естественным чувством любви к своему Отечеству, без всяких громких фраз, он просил разрешения у Николая II отправиться на фронт.

И Николай простил его, назначив... командующим Кавказской дивизией. Дивизию комплектовали из представителей горцев на добровольной основе. Оригинальная форма прощения, если вспомнить, что раньше дворян, офицеров за различные прегрешения, дуэли и т. п. направляли

«Джигит Миша», командир Дикой дивизии

в ссылку на Кавказ усмирять туземцев. Для Михаила новое назначение стало серьезным испытанием, и он справился с ним. Сослуживцы полюбили великого князя, уважительно говоря про него: «Джигит Миша».

«УТВЕРДИЛ С УДОВОЛЬСТВИЕМ...»

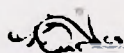
Записи Михаила в дневнике 1915 г. больше похожи на сводки с передовой: столько за день убито, столько ранено... При этом эти сведения перемежаются с рассказами, как прошли часы отдыха; находилось место и для музыки, шуток, розыгрышей и танцев в Дикой дивизии¹. Разумеется, великий князь не ходил в рукопашную, он не должен был находиться в самом пекле, у него было несколько ординарцев (в том числе из кавказских князей), личный конвой. Но война есть война, всего не предусмотреть, и в переделках ему случалось оказываться не раз.

Горцы были столь же храбрыми воинами, сколь и недисциплинированными.

Дивизия состояла из шести полков: Дагестанского, Кабардинского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Ингушского. Его дивизия была отправлена на фронт в Галицию. Вообще, представителей народов Кавказа в царской России на военную службу не призывали. Мусульмане были очень недисциплинированы, но они ничего не боялись и были замечательными наездниками. В период войны многие из них выразили желание идти на фронт, и так образовалось это экзотическое военное подразделение, в котором большинство служивших исповедовало ислам.

Дивизия зарекомендовала себя с самой лучшей стороны – только отчаянные храбрецы вступали в ее ряды. Офицеры полков были профессиональными русскими кавалеристами. Командиром Татарского полка был Петр Половцев. По его воспоминаниям, Михаил Александрович был отважным воином. Одевался просто: в легком холщовом кителе с генеральскими погонами, желтые сапоги, на груди – Георгиевский крест.

¹ Здесь и далее в главе дневники Михаила Александровича цитируются по оригиналам: ГАРФ, Ф. 668, оп. 1, д. 134. Авт.

Великий князь умел ободрить ласковым приветливым словом сидящих в окопах. Командуя Дикой дивизией (с 23 августа 1914 г.), Михаил Александрович бывал во многих переделках. За личную храбрость в боях

Львовъ.

— 65 —

МАРТЪ.

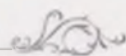

2. Поход. Сящ.-муч. Феодота.

15.

Встань очень поздно.
 "Зачем же намъ замечать А. А. А.
 махари. Когда приехали
 сьме Никитина сь дочерью
 и А. Ушакова. То вьбрали
 сидимъ одра больного Душе
 сона, который проестъ
 "жель. Вечеромъ аматорамъ
 нами сними въ время
 Погода была утромъ сь
 кельма. — Вечеромъ намъ
 гиль мелерантму отъ
 Чики изъ Ставки "утъ
 вердимъ сь удовольствием
 представление о награжде
 нии "ебъ орд. Св. Георгия 4 ст."

Или грудь в крестах, или голова в кустах — это про него.
 Автограф великого князя. 1915 г.

в Карпатах отмечен первой наградой. В марте 1915 г., находясь в Действующей армии, он записывает в своем дневнике: «...вечером получил телеграмму от Ники из Ставки: „Утвердил с удовольствием представление о награждении тебя орденом Св. Георгия 4 ст.“»¹.

Через год Михаил будет награжден орденом Св. Владимира II степени с мечами. И эта награда была вполне им заслужена.

Приведем описание современником только одного боя с участием великого князя: «Австрийцы отчаянно защищали угнездившийся на крутом холме город. Главные силы неприятеля отступили, наконец, под стихийным натиском спешенных сотен, взбиравшихся на отвесные кручи и вырезывавших кинжалами австрийские команды. Но чтобы задержать русских, отступление прикрывалось двумя ротами тирольских стрелков. Эти здоровенные горцы забаррикадировались в домах. Перекрестным огнем они обстреливали улицы. С крыш такали пулеметы. Великий князь первым въехал в этот город, встретивший его свинцовым ливнем. Тогда старый, с изрубленным лицом всадник, герой нескольких войн, — количество боевых шрамов соперничало с числом крестов и медалей на груди, — отвесил низкий „селям“ изумившему его молодому храбрцу генералу: „Слава и благословение Аллаха великому джигиту“»².

Одним из его адъютантов был назначен князь Вяземский. Молодой офицер не пожалел, что получил назначение в Дикую дивизию. Он восхищался как Михаилом, так и его дивизией. В письме своему племяннику он написал: «Ты не можешь представить, насколько колоритны и своеобразны эти люди, их внешний вид, обычаи. Они смелы и рискованны, абсолютно бесстрашны... У некоторых из них — окутанное тайной прошлое. Для многих из них война — веселый праздник; фатализм же, свойственный всем мусульманам, лишает их страха перед смертью... Если бы ты знал, как они обожают великого князя»³.

¹ Боевой русский орден Св. Георгия был учрежден в 1769 г. В статуте его сказано: «Ни высочайший род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не причтутся к уважению при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги. Удостоивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего означеновал себя на пользу и славу российского оружия особенным отличием». Кроме офицерского ордена Георгия, в самом начале XIX в. был учрежден солдатский Георгиевский крест (как и орден, четырех степеней). Асм

² Crawford R. and D. Michael and Natasha... / Пер. с англ. 2-й и 3-й тома Е. Гринько. М. Москвитин, К). Кудрявцевой. Нью Йорк, 1997. С. 159–170

³ Там же.

РАССТРЕЛ В ТЛУСТЭ

Иногда кажется, словно какая-то печать проклятья висит над человеком! Словно рок преследует Михаила! Об этой невезучести вспоминаешь и во время чтения дневников великого князя времен войны, когда он командовал Дикой дивизией.

Поистине трагический случай произошел под румынским городком Тлустэ, где находилась дивизия. Вот как описывает Михаил день 17 апреля 1915 г.

«...В 10 час. Отсюда повезли 1 чеченца и 2 ингушей к тому месту, где их должны были расстрелять. По выезде из Тлустэ один из них бросился бежать, но был задержан. Другие двое также пытались бежать, но конвойные одного убили, а другого смертельно ранили. Кроме того, один конвойный был убит случайно, а другой ранен благодаря темной ночи. Ужасно трагично все это окончилось».

За что хотели расстрелять виновных, не сообщается, но в мародерстве кавказцы были замечены неоднократно, в той обстановке они вели себя довольно вольно. Самое печальное в том, что, как оказалось, убитых воинов хотели помиловать. Михаил пишет: «Так досадно, т. к. телеграмма о их помиловании, которая была получена в 6 часов (т. е. за 4 часа до казни. — В. Г.), должна была [быть] прочтена им на месте расстреляния для большего внушения — и все это не удалось!»

Бывали, однако, и другие случаи, со счастливым исходом.

Однажды Михаил чуть не попал в плен к австрийцам, заехав на автомобиле в расположение врага. Удирали на автомобиле под свист пуль, причем Михаилу пришлось вести машину самому, поменявшись местами со своим шофером («так как навыка у меня больше»).

Император также не мог не заметить, с каким энтузиазмом Михаил рассказывает про свою Дикую дивизию при их встречах в Ставке. Однажды младший брат попросил Николая признать своего 4-летнего сына законнорожденным. Михаил прекрасно сознавал, что в случае его гибели сын останется не только без денег, но и без Родины.

Николай и в этом щекотливом вопросе пошел ему навстречу. Взаимоотношения братьев полностью восстановились¹.

¹ «Миша снова стал самим собой, таким же обаятельным», — докладывала Николай в письме своей супруге. Авт.

Михаил Александрович попросил православного священника отца Петра (Поспелова) окрестить своего сына Георгия. (Позднее отец Петр станет полковым священником Дикой дивизии.)¹

Вскоре Михаил Романов был назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса. В этой должности он пробыл недолго. Известно, что Наталья Брасова, жена Романова, имела все основания радоваться расставанию его с Дикой дивизией. Во-первых, она думала, что теперь-то ее опасения за жизнь мужа позади, а во-вторых, ей всегда не нравилась форма «джигита»-мужа – черкеска.

5 апреля 1917 г. Михаил, уже генерал-адъютант, с грустью записывает: «Сегодня вышла моя отставка с военной службы, с мундиром» (т. е. с правом ношения мундира).

ГЕНЕРАЛЫ РОССИЙСКИХ КАРЬЕРОВ

Но мундир-то носить было уже небезопасно, особенно с погонями...

Что поражает при чтении дневников военной поры, на его страницах часто встречаются фамилии известных полководцев, генералов, с которыми Михаил был накоротке. Практически здесь весь генералитет белой армии, и не только! Брусилов, Каледин, Деникин, Краснов, Юзефович, Врангель, Маннергейм...

Естественно, возникал вопрос: как относились исторические деятели друг к другу? Сопоставление источников всегда сопряжено с острым любопытством исследователя: а ну как мемуарист обманулся в своих чувствах и надеждах?

¹ В 1908 г. Михаил унаследовал особняк в Санкт-Петербурге, прежним владельцем которого являлся его неженатый дядя Алексей. С началом войны особняк почти сразу же был оборудован под госпиталь. Занималась этим сама Наталья. По ее просьбе был открыт маленький медпункт в Гатчине... В августе 1914-го Михаил передал свое поместье в Падокхерсте (в Англии) со всеми постройками, а также свой «опель» в распоряжение союзников — англичан, которые также вступили в состояние войны с Германией... Авт.

Почти у каждого из упомянутых полководцев позднее вышли воспоминания, так что появилась возможность восстановить недостающее звено. Что же они сами думали о великом князе?

ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ

Вот запись Михаила о главнокомандующем Юго-Западной армией генерале Брусилове от 7 февраля 1915 г. (до знаменитого Брусиловского прорыва еще полтора года): «Брусилов... производит хорошее впечатление».

А вот что думал в те годы сам Брусилов: «В начале января 1917 года великий князь Михаил Александрович, служивший у меня на фронте в должности командира гвардейского кавалерийского корпуса, получил назначение генерал-инспектором кавалерии и по сему случаю приехал ко мне проститься. Я очень его уважал и любил как человека безусловно честного и чистого сердцем, непричастного ни с какой стороны ни к каким интригам и стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь привилегиями императорской фамилии. Он отстранялся, поскольку только это было ему возможно, от каких бы то ни было дразг как в семействе, так и в служебной жизни; как воин, он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг»¹.

Отметим, что царский раздел был сильно сокращен в издании мемуаров генерала Брусилова, вышедшем в советские годы, что, впрочем, неуди-

*Генерал Брусилов,
командующий фронтом*

¹ Брусилов А. А. *Мои воспоминания*. М., 2004.

*Генералы Брусилов и Михаил Романов
с георгиевскими кавалерами*

вительно. Брусилов пишет, что он решил «очень резко и твердо» доложить брату государя положение России и необходимость тех реформ, немедленных и быстрых, которые современная ситуация требовала неумолимо. Для выполнения их остались не дни, а только часы. Полководец умолял, во имя блага России, прояснить все это для царя и поддерживать содержание столь тревожного доклада.

Михаил Александрович ответил Брусилову, что он совершенно согласен с ним и, как только увидит царя, постарается выполнить это поручение.

– Но, – добавил он, – я влиянием никаким не пользуюсь... Брату же неоднократно со всевозможных сторон сыпались предупреждения и просьбы в та-

ком же смысле, но он находится под таким влиянием и давлением, которого никто не в состоянии преодолеть.

Жизнь двух военачальников-единомышленников оборвется одинаково трагически. В 1917 г. генерал А. А. Брусилов (1853–1926) станет даже главнокомандующим – но спасти разваливающуюся армию уже никто бы не смог, никакой военный гений. Михаила Романова убьют советские экстремисты, хотя бывший командир Дикой дивизии, «первый гражданин России» хотел и готов был работать с народом. Брусилов даже получит эту возможность сотрудничества со своим народом: он станет преподавать в Академии Генштаба Красной армии. Но... будет убит на пороге своей квартиры агентом белого подполья.

ГЕНЕРАЛ КРАСНОВ

Не раз упоминается (в положительном плане) в дневниках Михаила Романова и боевой генерал Петр Краснов (1869–1947), ставший известным писателем еще до революции. И опять же: в книгах Краснова личность великого князя выводится не раз, только мы об этом ничего не знали. Под командой донского казака генерал-майора Краснова тогда находились Черкесский и Татарский полки, а «начдивом был великий князь Михаил Александрович, любимый офицерами дивизии и просто обожаемый всадниками».

О 1917-м годе Краснов напишет так: «...мы верили, что великая бескровная революция прошла, что Временное правительство идет быстрыми шагами к Учредительному собранию, а Учредительное собрание – к конституционной монархии с великим князем Михаилом Александровичем во главе... На Совет солдатских и рабочих депутатов смотрели как на что-то вроде нижней палаты будущего парламента»¹.

5 июня 1918 г., после читки свежего номера пермских «Известий», гражданин Романов запишет в дневник то, что его особенно потрясло: «...на днях мы прочли, что на Дону образовалось войсковое правительство, во главе которого стоит генерал Краснов, он также и войсковой атаман...»

Генерал Краснов, человек, с которым Михаил вместе воевал против Германии, возглавил донских казаков, после того как их прежний командующий, генерал Каледин, покончил самоубийством. Для Краснова же самоубийственным станет его решение поставить в антибольшевистской борьбе на немцев. Он будет казнен за сотрудничество с фашистами.

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН

Нашу «очную ставку» с историей спустя десятки лет мы продолжим с помощью воспоминаний генерала А. И. Деникина (1872–1947), ставшего в начале Гражданской войны главнокомандующим Добровольческой

¹ Краснов П. И. *На внутреннем фронте*. М., 2003.

Уникальный экспонат –
снаряд Лысьвенского завода
графа Шувалова –
с гравировкой: «Его Импе-
раторскому Высочеству
великому князю Михаилу
Александровичу». 1916 г.
(Лысьвенский музей)

армией. В своих «Очерках русской смуты» Антон Иванович, известный своей патриотической позицией, не раз обращается к личности великого князя М. А. Романова, своего недавнего боевого соратника. Рассказывая о попытках объединения монархических сил, создания так называемого правого центра в начале 1918 г., А. И. Деникин пишет: «...его лозунгами стали – монархия (для меньшинства – конституционная), реакция (для меньшинства – „социальные реформы“) и союз с немцами. Существовала, между прочим, идея обращения к патриарху, который „при помощи созданного на персональных началах Земского собора“ должен был провозгласить царем вел. кн. Михаила Александровича...»¹

Спустя несколько месяцев, когда активно обсуждался вопрос «о верховном возглавлении русской армии» (будущей Добровольческой), вновь всплывает имя Михаила Романова. А. И. Деникин пишет: «Правый центр

предлагал поставить во главе вооруженных сил одного из следующих генералов: Брусилова, Лукомского, Юденича или Лечицкого... Киевские монархисты хотели видеть на этом посту в. кн. Николая Николаевича или Михаила Александровича, которого молва настойчиво связывала с чехословаками».

Кстати, о чехословаках. Оказавшись в ссылке в Перми, Михаил прочитает в местной газете о выступлении Чехословацкого корпуса на Урале и 29 мая сделает такую запись: «...до обеда виделся с Обыденновым (бывший сослуживец, полковник царской армии. – *Ред.*), только что возвратившимся из Екатеринбурга, по-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали советскую власть (речь идет о восстании

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2006.

Чехословацкого корпуса в Челябинске. – *Ред.*), то же самое совершилось и в некоторых других городах Сибири. Вообще трудно понять, что творится, но что-то крупное назревает...»

В конце мая Пермь будет объявлена на военном положении. Разгоралась братоубийственная бойня...

•ЧЕРНЫЙ БАРОН• (ГЕНЕРАЛ П. Н. ВРАНГЕЛЬ)

С генералом Петром Николаевичем Врангелем (тем самым, вошедшим в советскую песню «Красная армия, черный барон снова готовят нам царский трон...») Михаил Романов часто встречался во фронтовой обстановке, он не раз упоминает его в дневниках военных лет. П. Н. Врангель (1878–1928) был назначен в 1920 г. главнокомандующим белой армии; в эмиграции создал Российский общевоинский союз (РОВС) и стал его первым руководителем, т. е. продолжал борьбу. «Черный барон» написал обширные воспоминания, в которых много раз упоминает и своего бывшего соратника М. А. Романова. Кстати, оба полководца любили ходить в те годы в черкеске, Врангель командовал в 1919 г. Кавказской Добровольческой армией.

Генерал Врангель характеризует обстановку, воцарившуюся в армии в 1917 г.: полное недоумение, растерянность, все были ошеломлены. Он пишет: «...никакой попытки овладеть сверху психологией армии не было сделано. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные толкования суждений государя и великого князя (так, один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что государь сошел с ума) еще более спутали и затемнили дело...

Я решил сообщить войскам оба манифеста и с полной откровенностью рассказать все, что мне было известно: тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими государя и тем затруднявшими проведение мира в стране».

Генерал сделал тогда главный для себя вывод: «Манифест, подписанный царем, мы, присягавшие ему, должны беспрекословно выполнить, так же как и приказ великого князя Михаила Александровича, которому государь доверил свою власть». Убийство царской семьи потрясло барона

Врангеля. В своих «Записках» он не скрывает эмоций: «Бессмысленное, подлое и кошмарное по жестокости убийство царской семьи не найдет себе равных в истории...»¹

ГЕНЕРАЛ МАННЕРГЕЙМ

Пожалуй, лишь одно имя из плеяды знакомых полководцев старой русской армии вызвало у Михаила Романова неприятный осадок. Когда он прочитал в газетах о выступлении финских войск под командованием генерала Маннергейма, то не смог удержать удивленного восклицания:

– Карл Густавович? Куда же его повело, вот уж не думал...

Он взял газетный номер, еще раз перечитал сообщение. Под рубрикой «В Финляндии» 23 апреля была перепечатана заметка из финской газеты «Приказ генерала Маннергейма». В ней сообщалось о том, что «по просьбе финского правительства отряды германской победоносной и могучей армии высадились на финской земле, чтобы помочь... прогнать большевистских злодеев». И далее шел краткий ехидный комментарий советской центральной газеты о новоявленном «братстве по оружию»².

Когда-то они, боевые соратники, благоволили друг другу. Свидетельство тому можно найти в мемуарах К. Маннергейма, изданных в 1995 г. (изд-во «Вагриус»). Он признается, в частности, что у него отречение Николая и породило некоторые надежды, что его брат Михаил возьмет бразды правления в свои руки, и тогда... Но отрекся и Михаил.

Михаилу Александровичу не суждено будет узнать продолжения истории. Барон Карл Маннергейм (1867–1951) совершил поистине удивительную карьеру. В Галиции он успешно проявил свои полководческие способности на стороне русской армии. А спустя два десятка лет столь же успешно будет противостоять уже Красной армии во время несправедливой, со стороны СССР, военной кампании по насильственному принуждению северного соседа к обмену территориями.

Кто знает, если бы у власти в России стоял Михаил Романов, как повернулась бы фортуна? Скорее всего, военным путем конфликт страны-соседи уж точно не стали бы решать.

¹ Врангель П. Н. Записки: В 2 кн. М., 1991.

² Известия Пермского губисполкома... 1918. 23 апр.

ГЕНЕРАЛЫ ЮЗЕФОВИЧ, СПИРИДОВИЧ И ДРУГИЕ

Начальник охраны царской семьи генерал А. И. Спиридович в своих мемуарах вспоминает, как показали себя туземцы генерала Романова в декабре 1914 г. Дикая дивизия находилась тогда в Карпатах в составе армии генерала Щербачева. В ночь на 17 декабря состоялось ее боевое крещение. Полки Кабардинский и Дагестанский в пешем строю по глубокому снегу взяли штурмом деревню Береги-Горны, отбросив отряды австрийских альпийских стрелков. Они заняли перевал Оссады и деревню Вишлтины и заночевали в следующей деревне в узком ущелье.

18-го днем к продвинувшимся вперед сотням приехал великий князь Михаил Александрович. В курной избе, прокопченной дымом, где размещались командир первой бригады князь Багратион и командир Кабардинского полка граф Воронцов-Дашков, устроился и великий князь со своим начальником штаба генералом Юзефовичем. Там великий князь провел ночь на 19 декабря.

«Было страшно, — рассказывал после один из ночевавших с великим князем начальников. — Мы уже вырвались вперед, спускались с перевала. Наши главные силы были далеко позади. Против нас стояли альпийские стрелки. Что там происходит у них, мы не знали, а ведь с нами брат государя. Жутко было!»¹

Бои шли с переменным успехом. Горцы отступили, потом вновь получили приказ взять тот злосчастный перевал Оссады. 26-го штурмовали перевал, но взять его уже не удалось. Противник успел сильно укрепить его. Пулеметы жгли атакующих. Там, в Карпатах, в глубоком снегу, и встретил великий князь со своей дивизией Рождество Христово... Перевал все же был взят.

В другой раз дивизия проявила себя на Днестре 29 мая 1915 г. Великий князь находился со штабом около железнодорожной станции Звеничи. Михаил спокойно смотрел на разрывавшиеся кругом снаряды. Генерал Спиридович пишет: «Он, как всегда, был весел и рвался туда, где была опасность. Дивизия очень полюбила его. Офицеры любили его за душевные качества. Дикие горцы-всадники — за храбрость и еще больше за то, что наш Михаил — брат государя». Тут любовь переходила в обожание. Горцы его боготворили. «Через глаза нашего Михаила сам Бог смотрит», —

¹ Иллюстрация: Варфоломей. Великий князь Михаил Александрович — царь, патриот, христианин. // Уральская Голгофа. № 3. Пермь, 2008. С. 18–23.

говорил одни умиравший в госпитале горец, когда великий князь отошел от его кровати»¹.

Начальник штаба генерал Юзефович не останавливал Романова, если тот устремлялся вперед со своими горцами. Некоторые офицеры даже критиковали Юзефовича: «Нельзя так, это же брат государя». Однажды, ехав на автомобиле с начштаба и доктором, великий князь попал в район расположения неприятеля. Тогда только ловкость и смелость великого князя выручила их, и они не попали в руки противника.

После непрерывной годовой боевой службы великий князь получил за боевые заслуги Георгиевское оружие и Георгия IV степени. Командиры Кабардинского полка князь Амилахвари и Дагестанского полка князь Бекович-Черкасский, начальники пехотных частей и артиллерии, многие солдаты и всадники получили Георгиевские кресты.

«С ГРУСТЬЮ ПРОЩАЮСЬ Я С ВАМИ...»

*Портрет генерала
Михаила Романова
(рисунок-открытка)*

В передышки между боями или при персформировании частей появлялась возможность для отдыха. Отдыхал Романов чаще всего занимаясь спортом, гимнастикой. А порой и весьма своеобразно.

Однажды в походной палатке в комнате своих адъютантов Керима и Вяземского Михаил привязал веревку к свечке, кочерге, коробке и стулу. И когда ночью кто-то из них встал, споткнулся – все повалилось, загрохотало. (В этой шутке узнается подросток Миша, выливший чайник воды на голову своего отца.)

Дневниковая запись 16 августа 1916 г., Усть-Зелена. В этот день Михаил посетил Уральский полк, стоявший в деревне Дольхе.

¹ Уральская Голгофа. № 3. Пермь, 2008.

«...Они ловили рыбу неводом и при этом страшно галдели и веселились вспоминали свой Урал. Затем было состязание в плавании как без лошадей, так и с лошадьми. Около 6 час. офицеры угостили нас чаем на лужайке, играли трубачи...»

Описание того, как великий князь прощался в 1916 г. со своей Дикой дивизией, – это целая поэма.

«26 марта 1916, суббота, Копычинце. ...Я прощался с черкесами (Черкесским кавполком. – В. Г.), ингушами, чеченцами, пулеметчиками и 1-й конно-гвардейской батареей. Затем в Тлустэ, где попрощался с кабардинцами, дагестанцами, татарами, пулеметчиками и 2-й конно-горной батареей. Как тут, так и там мне пришлось сказать прощальное слово...»

Было чаепитие с офицерами, играли трубачи...

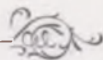
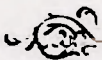
О чем мог сказать Михаил? В другом источнике удалось найти содержание прощального слова, вот выдержка: «Господа офицеры и всадники, я с грустью прощаюсь сегодня с вами, но всегда буду помнить то время, когда я командовал Кавказской туземной конной дивизией, и вашу беззаветную службу Родине и царю. Наградами. Георгиевский крест и оружие, которыми я был удостоен, я всецело обязан вашей доблестной работе. Дай бог вам дальнейших боевых успехов до окончательной победы над врагом, и желаю всем вернуться на Кавказ героями».

Если почитать воспоминания и романы популярного писателя Н. Брешко-Брешковского (они изданы теперь и в России), то с их страниц Михаил Андреевич предстает в образе отважного полководца и будущего спасителя России – не меньше.

Кроме того, можно добавить, что, помимо участия в боевых действиях, великий князь немало пользы принес, возглавляя Георгиевский комитет, а также

Немецкая карикатура на русскую армию
(в центре генерал Романов)

комиссию по вызволению русских военнопленных из германской неволи. Кроме того, Михаил Романов с супругой создали несколько лазаретов и госпиталей, выделили для раненых и увечных воинов место в своем дворце.

А с бывшими однополчанами из Дикой дивизии у Михаила Романова была еще одна случайная встреча. Произошло это после Февральской революции 1917-го в Петрограде, на вокзале. О том восторженном приеме в дневнике Романова – всего несколько строк. Но и по ним чувствуется: Михаил Александрович уверовал в поддержку народа именно после таких встреч.

КАВАЛЕРСКИЙ ПРАЗДНИК

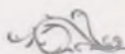

Михаил Александрович в годы войны (из собрания ГИМ)

Накануне первого кавалерского праздника в 1916 г. «Пермские губернские ведомости» пригласили всех желающих на молебствие в военной церкви (св. Сергия Радонежского, была построена в 1913 г. в память 300-летия дома Романовых в районе нынешней улицы Островского). После молебна при большом стечении народа на площади между городским (Егошихинским) кладбищем и батальонным двором (неподалеку от военной церкви) состоялся наряд войск в составе всех частей Пермского гарнизона.

Затем георгиевские кавалеры, раненые и увечные воины были приглашены в театр на бесплатный спектакль. Такими способами пермское общество поднимало боевой дух войск и выражало свои патриотические чувства.

В местной печати была введена даже специальная рубрика «Город и Георгиевский праздник». Пермь собирала подарки для раненых,

пожертвования, ввели стипендии «для детей георгиевских кавалеров, отличившихся в войне России с Германией (преимущественно уроженцев г. Перми)».

Праздник, как оказалось, прошел в первый и в последний раз.

Однако люди, жертвовавшие за Отечество своей жизнью, достойны лучшей участи, они заслужили благодарную память потомков. Так решили пермские краеведы и члены Пермского военно-исторического клуба, которым руководит Дмитрий Алексеевич Лобанов. В Дмитровскую родительскую субботу, когда по православной традиции поминуют павших воинов, члены клуба по традиции навещают подшефные могилы. Военное кладбище, а также часовня, стоявшая на этом участке, были уничтожены в 1930-е гг. Но на Егошихинском кладбище сохранились несколько воинских надгробий, а также фундамент часовни. Ее теперь планируется восстановить с помощью Пермской православной епархии, Всехсвятской (Новокладбищенской) церкви, которой недавно возвращен статус воинского храма.

...В одном из своих выступлений президент России Владимир Путин, говоря об уроках Первой мировой войны, обвинил большевиков в совершении «акта национального предательства» (http://newsru.com/russia/27jun2012/putin_i_bolsheviki.html). Был, наконец, поднят, на государственном уровне, вопрос исторической справедливости. Идет процесс увековечения памяти героев этой забытой мировой войны. Надеемся, при воплощении столь важного проекта вспомнят и вклад в ратную летопись России и великого князя Михаила Романова, командира Дикой дивизии (см. видеофильм НТВ <http://ote4estvo.ru/video/233-film-ntv-dikaya-diviziya.html>).

Историк Олег Опришко, автор книги «Кавказская конная дивизия, 1914–1917. Возвращение из небытия» (Пальчик: Эль-Фа, 2007), отдает должное полководческому умению великого князя – «джигита» Миши, как называли еще своего командира подчиненные. Историк, между прочим, пишет о боевом генерале Михаиле Романове: «Командир этой дивизии владел искусством межкультурного общения, которому позавидовали бы и современные политики в любой стране».

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИН РОССИИ

В популярном телесериале «Есенин» на разные лады варьируется версия о том, что великого русского поэта убрали чекисты, а поводом послужила телеграмма одного из большевистских вождей Льва Каменева. В феврале 1917-го Каменев послал приветственную телеграмму «первому гражданину России Михаилу Романову», который не принял престола от своего брата, решив ждать Учредительного собрания. Спросите, при чем тут Есенин? А при том, оказывается, что хранил случайно попавший ему компромат на вождя, ту самую телеграмму Михаилу...

Образ последнего императора, каковым де-юре является Михаил, был настолько сильно искажен и оболган в советский период, что восстановление исторической справедливости по отношению к незаурядному деятелю русской истории представляется насущной потребностью.

Вопросы возникают не только у наших, российских зрителей и читателей, но и у гостей из-за рубежа. Приведу фрагмент письма, полученного мною в 2008 г. из Франции.

«Дорогой Владимир! Возможно, Вы помните меня? 17 августа Вы провели для меня вдохновенную обзорную экскурсию по Перми и окрестностям, по следам Михаила Александровича Романова.

Личность великого князя Вы мне представили замечательно, я почувствовал и Вашу симпатию к нему, Вашу боль и страдание.

Видный большевик Лев Каменев,
один из ближайших соратников
В. И. Ульянова (Ленина)

Самое притягательное и вдохновляющее для историка и археолога – это, с одной стороны, изучение судьбы, столь трагически прерванной, и необходимость продолжения исторического исследования. В этой связи многие вопросы еще ждут своего решения.

Я ставлю перед собой эти вопросы. Такой, например: я часто читал, что Михаил Александрович якобы не интересо-

вался политикой. И я удивился Вашей фразе о том, что великий князь ждал решения народа или его волеизъявления через Учредительное собрание или Конституционное совещание, чтобы решить для себя, принимать корону или нет. Есть ли неопровержимые доказательства этому?

Большого успеха в Ваших будущих поисках, исследованиях!

С сердечным приветом, Лук Госселин».

Ответы на поднятые вопросы есть, они кроются в документах, воспоминаниях, ставших доступными только недавно...

ЕЩЕ НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО «ПЕРМСКИХ УЖАСОВ»

После отречения Романов и его близкие жили большую часть времени под домашним арестом в Гатчине.

Образ жизни Романовы ведут почти прежний, хотя изменений в их жизнь новая власть внесла уже немало. Михаил Александрович работает с домочадцами в парке, каждый день делает гимнастику – на его языке это называется контролем мускулов, ходит на лыжах, играет на гитаре и в бильярд. В начале января они даже купили корову и все дружно пошли смотреть ее на ферму – думали о будущем. Михаил даже принимал у себя во дворце гостей. Так, 5 января его навестили двое офицеров, бывших подчиненных из Егерского полка, причем фамилия одного из офицеров была Дебогорий-Мокриевич.

Через несколько лет эта фамилия приобретет широкую известность на западе, в эмигрантских кругах, благодаря книге воспоминаний В. К. Дебогория-Мокриевича «Четырнадцать месяцев во власти большевиков (пермские ужасы)», т. е. автор мемуаров описывает как раз то время, когда в Перми жил и был бессудно убит Михаил Романов. Однако о гибели великого князя мемуарист не упоминает, видимо тогда еще надеялся, что тому удалось спастись, ведь слухов в ту пору бродило много¹.

И вновь читаем романовский дневник с золотым обрезом.

¹ Дебогорий Мокриевич В. К. Пермские ужасы // Россия. Романовы. Урал. Вып. IV. Екатеринбург. 1998.

«Гатчина, 6 января, суббота. Вчера открылось Учредительное собрание под председательством Чернова, но, по слухам, уже издан декрет о его роспуске. Были мирные манифестации, которые обстреливали большевики. Вся борьба происходит между большевиками и с.-р. (но не левыми из них)».

Важная запись, свидетельствующая о том, что Михаил Александрович совсем не был таким уж аполитичным человеком, который ни о чем не думал, кроме своей возлюбленной «Наташечки» (как пытаются представить его некоторые исследователи). В дневнике то и дело попадаются упоминания, что «читали газеты», «газеты крайне интересные» и т. и. В другом месте говорится, что супруги делают альбом из газетных вырезок. Судя по всему, Романов уже отлично понимал, куда все клонится, супруги были очень информированными людьми даже в тот период.

*Михаил и Наталья в Венеции.
1909 г.*

Комментариев Михаил Александрович, как правило, не дает, но нередко перепечатывает содержание заметок и телеграмм, наиболее его заинтересовавших. Ездит в «отвратительный (!) Петроград». 1917-й г. называет проклятым. То, что накопилось на душе, изредка проскальзывает, как, например, в записи за 18 января в той же Гатчине: «...ходил на лыжах с Василием. Мы обошли весь зверинец в полтора часа. Бедный парк теперь стал как мертвый, ни одного зверя, ни одной птицы...» В другой записи автор делится впечатлениями от того, как в гатчинском парке пьяные «революционеры» перестреляли всех оленей.

Накаляющаяся политическая обстановка в стране пробивается и в дневниковых записях,

волнений уже не скрыть. Возьмем «самый яркий день в истории человечества» (по большевистскому летоисчислению) – 7 ноября (25 октября). Как оказалось, в этот день великий князь вместе со своим помощником решил прогуляться мимо Зимнего дворца. «Любовались» его видом (слово это пишущий не закавычивает, но горькая ирония чувствуется во всем), ведь все стены и окна дворца были испещрены пулевыми пробойнами. Когда гуляющие дошли до конца набережной, то увидели: на Неве стоят корабли «Хивинец», «Заря свободы», «Зарница» и «Аврора»...

Вернувшись в квартиру, Михаил Александрович пытался придерживаться привычного распорядка дня. После обеда даже слушали музыку, Тата (Наташа, дочь Натальи Сергеевны от прежнего брака) играла на пианино. Но с чувствами совладать становилось все труднее. Автор дневника признается, что «...во время политических разговоров... так волновались и так кричали, что пришлось принять крутые меры, т. е. поставить около себя председательский звонок для водворения порядка, а как крайняя мера – револьвер. Гости разъехались после 12 ч...» (Запись от 7 ноября 1917 г.)

Что касается большевиков, то Михаил давно научился распознавать их, еще с фронта, и не любил их вполне открыто. После неудавшегося выступления ленинских групп в начале июля 1917-го Михаил замечает: «Успех большевиков начинает уменьшаться, народ начинает понимать (!), что они работают на пользу немцев и на их деньги».

Последняя запись в памятной книжке за 1918 г. датирована 17 (2) марта. Что делал великий князь в тот день? Ходил на лыжах, музицировал... Накануне почему-то оделся в старую матросскую форму, которая у него хранилась с 1895 г. Неясные предчувствия томили автора дневника. И не сбманулся в своих ожиданиях чего-то худшего.

Спустя несколько дней советское правительство распорядится отправить Михаила Александровича в ссылку в Пермскую губернию. 17 марта (по новому стилю) пермские большевики напишут расписку «в получении» гражданина Романова.

НАЧАЛО АНАРХИИ

Примечательный факт: морганатический брак Михаила не помешал Николаю отречься от трона в пользу младшего брата. Это самый веский

аргумент в споре с теми «знатоками» престолонаследия, кто считает Михаила нелегитимным правителем во всех отношениях. Стопроцентно легитимных на тот момент в стане Романовых уже просто не оставалось что среди Кирилловичей, что среди Константиновичей...

Есть очень важный документ, который дает читателю редкую возможность представить историческое событие в новом, неизвестном свете. Посмотрим, как вел себя великий князь в дни крушения самодержавной власти, перед тем как получил неожиданную телеграмму от брата с известием о том, что царский трон теперь – его, Михаила II.

«Гатчина и Петроград, 27 февраля 1917 г., понедельник, начало анархии.

В 5 ч. с экстренным поездом Дж[онсон] и я поехали в Петроград. В Марининском дворце совещался с М. В. Родзянко (председатель Госдумы. – В. Г.), Некрасовым, Савичем, Дмитриуковым. Потом пришли кн. Голицын, ген. Беляев и Крыжановский.

Когда мы приехали в Петроград, было сравнительно тихо, к 9 ч. стрельба уже началась и почти все войска стали революционными, старая власть больше не существовала, ввиду этого образовался Временно-исполнительный комитет, кот[орый] и начал отдавать распоряжения и приказания. В состав комитета входили: несколько членов Гос. Думы под пред[е]дательством Родзянко.

Я поехал в 9 ч. на Мойку к военному министру и передал по аппарату Юзе ген. Алексеєву в Могилев для передачи Ники те меры, которые [нужно] принять немедленно для успокоения начавшейся революции, а именно – отставка всего кабинета, затем поручить кн. Львову выбрать новый кабинет по своему усмотрению. Я прибавил, что ответ должен быть дан теперь же, т. к. время не терпит, каждый час дорог.

Ответ был следующий: никаких перемен не делать до моего приезда в личном составе (т. е. поезда. – В. Г.). Отъезд из Ставки назначен завтра в 2:30 дня.

Увы, после этой неудачной попытки помочь делу я собирался уехать обратно в Гатчину, но выехать нельзя было, шла сильная стрельба, пулеметная, также и ручные гранаты взрывались. <...> Дж[онсон] и я поехали на нашем моторе... но тут мы поняли, что ехать дальше более чем рискованно – всюду встречались рев. отряды и патрули, около церкви Благовещения нам кричали „стой, стой“, но мы благополучно проскочили, но

конвоирующий нас автомобиль был арестован. Ехать дальше не удалось, и мы свернули влево, решили ехать к Зимнему. Там были ген. Беляев и Хабалов, в распоряжении которых было около 1 000 человек, часть батальона Преобр[аженского] п[олка], 1 рота Гвард[ейского] эк[ипажа] и 1 Донской каз[ачий] п[олк]. Мне удалось убедить генералов не защищать дворец, как ими было решено, и вывести людей до рассвета из Зимнего и этим избежать неминуемого разгрома дворца революционными войсками. Бедный ген. Комаров был мне очень благодарен за такое мое содействие. В 5 ч. Дж[онсон] и я решили покинуть Зимний и перешли на Миллионную, 12, к кн. Путятиной, где легли в кабинете на диванах».

Таким образом, Михаил Александрович предотвратил первую вспышку вооруженного противостояния растревоженного, как улей, российского общества. Фактически – погасил локальный очаг Гражданской войны в самом сердце страны.

Через день к великому князю пришла депутация из офицеров, присяжный поверенный Иванов передаст ему на подпись проект манифеста, где уже были подписи двух великих князей. Манифест обещал («даровал») полную конституцию. Михаил также подписал исторический документ.

А где император? А императора все нет, и Михаил Александрович поневоле стал играть во многом ключевую роль.

«1 марта.

...Ники должен был приехать сегодня из Ставки, но не приехал, и неизвестно было, где находится поезд, по слухам... поезд в Бологом. Вся власть сосредоточилась в руках Временного комитета, кот[орому] очень тяжело ввиду сильного давления со стороны Союза рабочих и солдатских депутатов. Родзянко должен был ко мне приехать, но не мог этого выполнить...»

Под впечатлением всего происходящего у Михаила сложилось убеждение, что в последние дни воцарилась полная анархия. Такое впечатление только укрепилось после звонка в 6 утра нового министра юстиции Керенского, который сообщил великому князю: Совет Министров придет к нему, Михаилу, через час. На самом деле они приехали через три с половиной часа...

Но – приехали. Почти в полном составе. Для того чтобы решить вопрос преемственности власти...

Одним из сторонников великого князя был в те напряженные, смутные дни Павел Николаевич Милюков, лидер кадетской партии, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. Он считал, что «мягкий характер Михаила» не помешает, а даже будет способствовать спокойному развитию парламентаризма в России. Последовательным защитником идеи конституционной монархии выступал П. Н. Милюков и на историческом заседании на Миллионной, 12, когда Михаил подписал акт отречения в пользу Учредительного собрания.

Однако среди политиков, участников «большой игры», как определили позднее событие, решавших тогда судьбу России, монархистов оказалось немного, большинство пошло за Керенским. Милюков заявил, что будет поддерживать вступление Михаила на престол. Он признал, что в этом есть риск... Защищая свою позицию, главный кадет предложил даже почти авантюрный вариант: немедленно взять автомобили и ехать в Москву, где найдется организованная сила, необходимая для поддержки положительного решения великого князя. В Москве в тот период было намного спокойнее, чем в Петрограде.

Эта импровизация Милюкова, как он сам определил свое выступление, также не прошла. Великий князь всех выслушал... и после размышлений принял свое решение. При этом поблагодарил Милюкова за патриотизм.

Павел Николаевич был в отчаянии, а вот Керенский, как вспоминает Милюков, пришел в неописуемый восторг.

В состоянии экзальтации Александр Федорович воскликнул, обращаясь к Михаилу Александровичу:

– Ваше Высочество, вы – благородный человек!¹

Как поражение воспринял поступок Михаила еще один участник исторического заседания – Василий Витальевич Шульгин, представитель правого крыла Госдумы. Вот как запомнил он великого князя в тот роковой час: «...тонкий, с длинным, почти еще юношеским лицом, он весь был олицетворением хрупкости (!). Этому человеку говорил Милюков свои вещие слова... предлагал совершить подвиг силы беспримерной...»

Но на такой подвиг, по мнению политиков-монархистов, Михаил не решился. Василию Шульгину он запомнится «искренним и человечным», но... не рожденным для таких испытаний. Сам Шульгин, как известно,

¹ Милюков П. Н. Самоликвидация старой власти // Вспоминация: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 242–274.

оказался способен на подвиги, он продолжит борьбу за свои убеждения, станет одним из активнейших организаторов Белого движения.

Одно сожаление осталось у этого испытанного политического бойца на всю жизнь – о Михаиле Романове:

– Каким хорошим конституционным монархом он был бы!..

Таким настроением проникнуты многие страницы его произведений¹.

Примечательны коррективы, которые внес великий князь в текст акта об отречении. После нескольких раундов обсуждений и переписываний Михаил настойчиво попросил внести еще три изменения: употреблять от его лица местоимение «я», а не «мы» (резонно, ведь престола еще не принял), по этой же причине слово «повелеваем» заменить словом «прошу». И еще великий князь обратил внимание на то, что нигде в тексте нет слова «Бог», а «таких актов без упоминания имени Божьего не бывает».

Переделанный текст переписал начисто Н. Набоков, и только после этого Михаил поставил свою подпись...

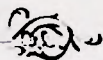
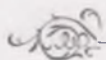
НЕ ПО СТАТУСУ МЛАДШЕГО (ДВА БРАТА)

После знакомства с неизвестными ранее документами и личными дневниками Михаила Романова многое предстает в новом свете, в том числе и взаимоотношения двух братьев, императора Николая II и великого князя Михаила, который официально находился в статусе «правителя России». Так были расписаны в царской семье роли двух главных мужчин дома Романовых.

Создается впечатление, что, несмотря на родство, это были очень разные люди. Личность младшего брата вырисовывается как более крупная, более колоритная и самостоятельная по сравнению с безвольным и посредственным Николаем (впрочем, хорошим человеком, как признают многие из общавшихся с ним).

Открытие это поражает только поначалу, пока не считаешь пожелтевшие страницы, сохраненные в архивах. О том, что характеры сложились у этих людей по-разному, говорят многие факты.

¹ Шульгин В. Дни. 1920. М., 1989. С. 270–292.

Один (Николай) любит стрелять ворон. другой (Михаил) предпочитает охотиться на волков и диких кабанов.

Один на досуге любит фотографировать, другой – страстный автомобилист и любитель быстрой езды.

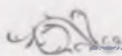
По-разному вели себя братья и в решающие дни безвластия и межвластия. Один упустил все нити правления из рук и, принужденный к отречению, предавался тихому отчаянию. Другой, как выясняется, даже в такой критической ситуации был способен на решительный поступок во благо общества. Михаил Александрович вел себя не по статусу младшего брата. Понюхавший пороху на войне, он проявил себя стойким и последовательным противником решения споров вооруженным путем.

Важная мысль – одна из самых важных! – из фронтового письма Михаила супруге: «Война и весь тот огромный ужас, который она за собой влечет, поневоле наводит каждого здравомыслящего человека на самые грустные мысли; например, я чувствую большое озлобление к людям вообще, а главным образом к тем, которые стоят наверху, во главе, и допускают весь этот ужас...»

И далее – еще откровеннее: «Если бы вопрос войны решался исключительно народом, в таком случае я бы не так горячо восставал против этого большого бедствия. Но ведь дело в том, что вопрос «Быть войне или не быть» решает всегда правительство, и никто и никогда не спрашивает мнение у страны, у своего народа... Мне иногда даже совестно перед людьми, т. е. перед солдатами и офицерами; в особенности я это чувствую при посещении лазаретов, когда видишь столько страданий... И могут подумать, что ты сам виноват в войне, стоишь так высоко и не мог предупредить и оградить свою страну от такого бедствия»¹. И Наталья была солидарна в данном случае с мужем.

Существовало еще одно различие между братьями. Один не мог принимать самостоятельных решений, фактически не решался шагу шагнуть, не посоветовавшись с супругой Александрой Федоровной (когда в государстве чрезмерно велика роль «первой дамы», это никогда к добру не приводит). Другой поставил на карту все во имя любимой, но сумел остаться

¹ Цит. по: Кроуфорд Р. и Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. М.: Захаров, 2008. С. 257.

Царская охота: ходил на волков, на медведей

самим собой. В этом и заключается широта души. Решившись на женитьбу на дважды разведенной женщине, Михаил Александрович не только послушался своего царствующего брата, но и проявил и хитрость, и волю, и решимость – и в итоге добился своего. Ситуация с выбором возлюбленной характеризует обоих братьев как нельзя более ярко.

Есть смысл вернуться к этому судьбоносному эпизоду.

...В период подготовки к празднованию 300-летия дома Романовых юбилейные приготовления развернулись во всех городах необъятной империи. В декабре 1911 г. главная газета Пермской губернии извещала читателей о том, что работы по возведению в Санкт-Петербурге храма-памятника 300-летию царствующего дома Романовых временно приостановлены из-за наступивших холодов. Храм «вчерне доведен до куполов... общий расход составил 325 000 рублей без внутреннего устройства, которое зависит всецело от средств». Окончить же строительство храма наметилось к февралю 1913 г.

Примечательно, что средства на эти цели находились на текущем счету Волжско-Камского банка. Строительство велось «под августейшим покровительством Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича».

Храм-то в столице будет достроен, правда уже без покровительства великого князя Михаила Александровича: с этой почетной должности он будет отставлен своим венценосным братом за то, что пошел на мorganатический брак с Натальей Сергеевной Шереметевской. После этого Михаил будет уволен из армии, а над всем его огромным имуществом, дворцами и пр. даже будет установлена опека.

Николай II, находясь под впечатлением сумасбродства младшего брата, писал матери в ноябре 1912 г.: «...между мною и им сейчас все кончено... Ему нет дела ни до твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в такое время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея дома Романовых!!!»

Скандал действительно разразился нешуточный, и потушить его быстро не удалось. Докатился он и до Перми. Монархический энтузиазм приугас, волну любви к царствующему дому поднять не удалось. Ни одного памятника представителям царствующего дома в губернской столице не появится. Только тицанием одного из потомков пароходчиков Каменских, Ивана Григорьевича, члена Госсовета, на территории Успенского женского монастыря (на углу Покровской и Биармской улиц) в ноябре 1911 г. будет воздвигнута часовенка, на которой чуть позже прикрепят мраморную доску с надписью: «В память 300-летия дома Романовых».

Михаил Александрович будет прощен, как мы знаем, только в 1914 г., в связи с началом Великой войны (Первой мировой). Тогда уже было не до семейных разборок. В годы войны великий князь совсем не плейбой, он показал себя истинным патриотом. Постепенно наладились и отношения с Николаем – Ники, как называл царя младший брат.

«Могилев в Ставке 31 августа 1916 г.

...Ники и я сидели в гостиной в салоне и разговаривали. Ники предложил назначить меня в свое распоряжение, я благодарил и принял это [предложение], так как меня это очень устраивает. Через день Ники поздравил меня генерал-адъютантом».

•НЕ ВЫДЕЛЯЯСЬ АНТИСЕМИТИЗМОМ•

Есть еще одно различие в образе жизни и строе мыслей двух братьев. В письмах и отзывах Николая нередко проскальзывает неприязнь по отношению к евреям. Это позволяет некоторым исследователям относить последнего русского царя к антисемитам. На сей счет есть разные мнения. Наиболее взвешенной представляется точка зрения, высказанная одним из зарубежных историков С. Скоттом, который считает, что последние русские цари, Александр III и Николай II, «не выделялись антисемитизмом,

а лишь разделяли антисемитские взгляды, распространенные в Российской империи и по всей Европе, где имелось сколь-нибудь заметное еврейское население».

«...Господи! Неужели недостаточно еще крови пролито! А все эти безумные убийства офицеров – людьми, которые якобы устали от войны! Поистине иногда кажется, что сойдешь с ума!

Одно понятно, что, пока во главе будут стоять жида, все будет идти хуже – что им Россия».

Такие слова вырвались у Николая Романова в письме матери, вдовствующей императрице (Тобольск, 5 марта 1918 г.).

Михаил Александрович не позволяет себе подобных высказываний, он «не подставляется». Объясняется это опять же характером великого князя: он более терпим, более внимателен к окружающим его, лучше умеет ладить с людьми.

В Действующей армии, в Дикой дивизии, генерал-майору, а затем генерал-лейтенанту Михаилу Романову приходилось иметь дело с подчиненными разных национальностей, да еще во фронтовой обстановке. Подчиненные полюбили своего командира, Михаил пользовался авторитетом у горячих кавказцев и других офицеров.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В последние годы, под влиянием общественных катаклизмов, взаимоотношения братьев Романовых заметно улучшились, что видно и по дневниковым записям обоих. Не может не вызвать сочувствия описание их последней встречи.

«Гатчина, 31 июля, понедельник 1917 г.

...В 12 ч. приехал за мной дворцовый комендант полк. Кобылинский и мы с ним поехали в Александровский дворец. Вышли у кухни и подвалом прошли во дворец к четвертому подъезду и в приемную Ники, где были: граф Бенкендорф, Керенский, Валя Долгорукий и двое молодых офицеров. Оттуда я прошел в кабинет, где виделся с Ники в присутствии Керенского и караульного нач. прапорщика. Я нашел, что Ники выглядел довольно хорошо. Пробыл у него около 10 минут и поехал обратно... Свидание мне устроил Керенский, а вызвано оно было тем, что я совсем случайно сегодня днем узнал об отъезде Ники с семьей в Тобольск, кото-

рый состоится ночью. По дороге в Гатчину был сильный туман с дымом, всюду горит торф. Погода была солнечная и жаркая».

В дневнике Николая встреча с братом также отмечена несколькими сдержанными по тону строками – но что за ними скрывается!..

«...Милый Миша вошел в сопровождении Керенского и карауль[ого] нач[альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно».

Свидание длилось всего 10 минут, проходило оно в присутствии министра. Керенский сидел с отсутствующим лицом, перелистывал альбом. Такие строгости были введены из-за опасений заговора.

Не пройдет и полугода, как вслед за Николаем в том же направлении отправится в ссылку и Михаил. И мученический конец на уральской земле младший брат примет первым.

...Об отношениях двух августейших братьев я попросил высказаться профессора Владислава Краснова, нашего земляка, живущего в США.

– Конечно, это были разные личности, мировоззрения и темпераменты. Михаил не был честолюбивым и не лез в политику. Но, в отличие от Николая, он не был изолирован от настроений в обществе и интуитивно почувствовал надвигающуюся катастрофу. Увы, его попытки побудить Николая к решительным действиям в первые дни революции ни к чему не привели. Но до смертного одра царственные братья уважали и любили друг друга.

Николай в своем дневнике не упрекал Михаила за отказ от власти, понимал, что сохранение монархии в любой форме было уже не под силу любому претенденту. Правда, он вопрошал, кто это надоумил Михаила на «глупость четыреххвостки» избирательного права (всеобщее, равное, прямое, тайное). Не важно, кто надоумил или Михаил сам ее придумал. Важно, что эта «четыреххвостка» остановила революцию в Петрограде.

Остановила – но лишь на время... Шведский славист Стаффан Скотт считает, что «по всем правилам Михаил был последним русским царем». Однако для большинства последним царем остался Николай II, а Михаил II – это «удел дотошных педантов и любителей викторин с вопросами на за-сыпку», иронизирует умный швед в своей книге¹.

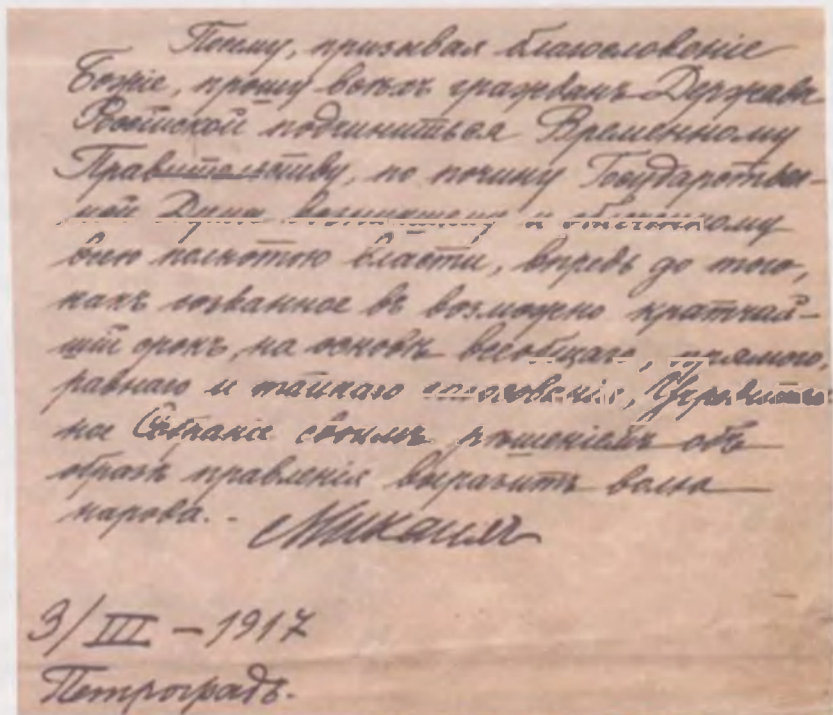
Точно так же мало кто знает, что, по сути дела, и Джордж Вашингтон не был первым американским президентом.

¹ Скотт С. Романовы / Пер. со швед. Екатеринбург, 1993.

ФЕВРАЛЬ 1917-ГО: «ДОСТАТЬ ЧЕРНИЛ И ПЛАКАТЬ»

МЕСЯЦ, «ПРОГЛОЧЕННЫЙ» ОКТЯБРЕМ

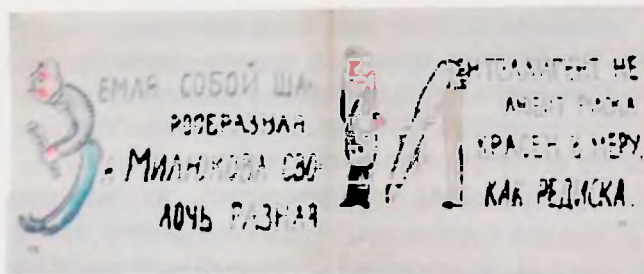
Февральские события 1917 г., названные советскими историками Февральской буржуазной революцией, принято вспоминать сегодня как время расцвета демократии, радужных надежд и — упущенных возможностей. Словно на это прощание с будущей Россией отзвалась чуткая муза поэта-небожителя Бориса Пастернака: «Февраль Достать чернил и плакать!» Анализируя те события, интересно взгляну

Петшу, призывая благословение
Божие, прошу возвестить Государю
Российскому подчиниться Временному
Правительству, по почину Государствен-
ной Думы, возмущающей и гнетущей
всю насущную славу, вверде до того,
как возникшее в возмущении кратчай-
ший срок, на основе всеобщего, полного,
равного и тайного голосования, Гласно-
сти и Свободы своим решением от-
казать правление выразить воле
народа. — Михаил

3/III — 1917
Петроград.

Отказ от принятия престола великого князя Михаила Александровича.
3 марта 1917 г.

Азбука В. Маяковского.
1918 г.

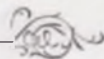
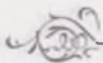
П. Н. Миллюков

в лица творцов революции. Кто же был главными действующими лицами в столице и на местах, в частности в Пермской губернии, ставшей местом ссылки и Голгофой Михаила II?

К 10-летию, первому круглому юбилею Февральской революции, пермская «Звезда» выпустила целевой номер. Из опубликованных материалов следует ясный вывод: демиургом революции, свержения самодержавия является народ. Из диаграммы «Февральский взрыв» наглядно видно, как к концу февраля стремительно росло количество забастовавших и восставших рабочих и присоединившихся к ним войск – с нескольких десятков тысяч в начале месяца до 400 тысяч 27–28 февраля.

Итак, рабочие и солдаты. Причины недовольства и возмущения – затянувшаяся война, продовольственный кризис, перебои с хлебом, нехватка всего и вся и полный отрыв низов от верхов, неадекватность правительственных мер. Иллюстрируя «прогнившее самодержавие», газета даст автографы текстов отречения Михаила Романова (на самом видном месте, и это не случайно), далее приводит последнюю подпись Николая II. И крупно – портреты виднейших большевиков, членов ЦК партии-победительницы апрельского созыва: Яков Свердлов, Виктор Ногин и др. Тут же – портрет Иосифа Сталина, среди членов ЦК он – «равный среди равных», идет еще 1927 г.

В редакционном комментарии под названием «Февраль, побежденный Октябрем» резко клеймятся «соглашатели». Кто же эти «соглашатели»? Меньшевики и эсеры. Внутрипартийная борьба еще не затихла, изп

Депутат Госдумы
А. А. Бубликов

породил у части населения некоторые надежды. Бывшие союзники и даже однопартийцы большевиков были названы мелкобуржуазными партиями, которых взяли на гребень волны революционные события.

«Временное правительство из матерых вождей буржуазии, — хлестко пишет публицист И. Флеровский, — первый плод соглашательского творчества... От „героев“ Февраля к осени 1917 года остались скверно пахнущие политические трупы».

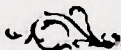
Да писал бы уж прямо: не только политические, но и буквально трупы... Вспомним же, чьи имена чаще всего звучали и пестрели в пермских газетах того времени.

• • •

Принято считать, что «триумфальное шествие советской власти» по Перми протекло спокойно, без бунтов, массовых волнений и кровопролития. С одной стороны, это действительно так, в сравнении со столицами уральская провинция просыпалась долго. Но без бунтов, жертв и даже дуэлей не обошлось...

Первым вестником о революционных потрясениях в Петрограде стал член Временного комитета Государственной Думы Бубликов, который разослал по всем линиям железной дороги телеграммы. Прилетела депеша и в Пермь. И затем в течение нескольких дней, почти неделю, до 3 марта, руководители губернии и города пытались скрыть телеграмму Бубликова, запрещая ее печатать в газетах, «во избежание смуты и беспорядков»!

Человеком, который прислал в Пермь первую весть о смене власти, был депутат от Пермской губернии Александр Алексеевич Бубликов. Он окончил гимназию в Петербурге, Институт путей сообщения. Инженер путей сообщения, руководивший изысканиями на железной дороге Москва — Казань — Екатеринбург, выбрал для себя партию прогрессистов. В 1912 г. был избран депутатом Госдумы четвертого созыва от Пермской губернии. В 1917 г. 42-летний политик в столице уже вполне освоился.

Был членом междуведомственной комиссии по выработыванию плана развития русской железнодорожной сети. Имел несколько трудов по финансово-экономической политике железной дороги.

Он – почетный гражданин двух городов: Екатеринбурга (за пожертвование 100 тысяч рублей на строительство горного института) и Шадринска.

А. А. Бубликов входил в группу думцев, которые в 1917 г. арестовали в Ставке Николая II.

События одного года, точнее, от февраля до октября все советские годы привычно характеризовались как победоносное и неумолимое, почти бескровное утверждение власти трудящихся, т. е. большевиков. Основано такое мнение прежде всего на том, что массовых сражений действительно не случилось. И, что немаловажно, не было и еврейских погромов в отличие от ряда российских городов. Толерантный уральский народ в этом смысле проявил спокойствие.

Однако проявления смуты, бунты были, и не только пьяные, но и политические. Полная картина 1917 г., без купюр, стыдливых умолчаний и пропусков, была воссоздана на первых пермских историко-архивных чтениях, прошедших в 2007 г. (в которых мне довелось участвовать).

Так, уже в марте были отмечены погромы солдатами товарных вагонов на станции Пермь II. Кстати, именно тыловые гарнизоны, запасные воинские формирования стали источниками беспорядков. Имеется в виду и разграбление пивных и магазинов с целью добыть вино, и пьяный погром складов Поклевских-Козелл.

Но были и антибольшевистские выступления. Из сообщения В. В. Ивашкевича, опубликованного в сборнике тезисов конференции, мы узнаем, что в мае 1917-го в Екатеринбурге был солдатский мятеж: два запасных полка окружили местный совет, громко выражая недовольство засильем в нем большевиков. В итоге председателем совета был избран эсер. В том же Екатеринбургском гарнизоне произошел случай, о котором сообщили многие газеты. Прапорщик Мялицын вызвал на дуэль местного большевика Сосновского «за оскорбление офицерской чести». Сосновский выступал за прекращение войны и «поливал» в крепких выражениях сторонников войны до победного конца¹.

¹ Сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Вып. 2. 1916.

Добавим: летом состоятся и другие антибольшевистские выступления солдат гарнизона, в Перми и Кунгуре, с массовым избиением участников демонстраций.

• • •

События в конце февраля – начале марта развивались стремительно. 6 марта пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский был отстранен от обязанностей. Власть на местах поручено было представлять председателю губернского земства Е. Д. Калугину, назначенному комиссаром Временного правительства. Егор Данилович – замечательная личность, самородок, вышедший из низов, он всего добился сам, без всяких протекций, стал крупной фигурой в земстве. Именно Калугин сыграл едва ли не основную, после пароходчика Н. В. Мешкова, роль в появлении университета в Перми. Не случайно для студентов первых наборов была учреждена именная Калугинская стипендия. «Крестьянина Калугина», – с гордостью подчеркивал сам землец.

Однако в сложной политической обстановке весны 1917-го Калугин откровенно растерялся, он не знал, за что браться, и... не стал браться, отказался от власти, объяснив это усталостью и болезнью¹.

Вместо него собрание от членов всех Комитетов общественной безопасности, созданных к тому времени, избрало комиссаром инженера А. Е. Ширяева. Того самого Александра Ширяева, который считался главным возмутителем спокойствия, ведь это он, как руководитель Военно-промышленного комитета, был отстранен губернатором от должности и чуть было не арестован. По некоторым сведениям, Ширяев был в числе тех гласных городской думы, которые в 1919 г. голосовали против поднесения хлеба-соли адмиралу Колчаку. Авторитет Ширяева был очень велик, и поэтому он вскоре был избран думцами городским головой. Инженер оказался перед мучительным выбором: на каком из постов работать, служить? Он выбрал думу и тем самым вошел в историю Перми как последний городской голова².

На должность губернского комиссара Временного правительства был избран поручик Борис Турчевич, сын известного архитектора. Молодой,

¹ Гладышев В. Стипендия Калугина // Вечерняя Пермь. 2003. 25 сент.

² В советские годы Александр Егстафьевич еще много помогал развитию городского хозяйства, увлекался краеведением. Был репрессирован в 1930-х гг. Авт.

неопытный политик, оказавшийся в эпицентре истории, успел сделать до воцарения власти большевиков немного. Как мог пытался поддерживать порядок, «летал» по губернии, по уездам. Но больше суетился. Турчевич «засветится» еще при Колчаке, вновь став на полгода руководящим лицом. Его колоритный образ выведен в произведениях прозаиков Леонида Юзефовича, Вячеслава Иванова, повествующих о революции и Гражданской войне на Урале¹.

После взятия Перми красными войсками Турчевич-младший исчезнет с горизонта. Говорили, что он уехал за границу, но недавно появились сведения, что все последние годы он жил в Москве, работал скромным юристом.

• НАСЕЛЕНИЕ СМУЩЕНО. (ЕЩЕ ОДИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ)

Личность последнего пермского губернатора сегодня, в свете новых выявленных документов, представляется трагичной... если не трагикомичной. Полного тезку великого князя Михаила Романова иногда иронично именуют губернатором «с самой длинной фамилией». Действительный статский советник Михаил Александрович Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский (такова полная фамилия этого отпрыска польских дворян) был назначен главноначальствующим обширной губернии в самый сложный период – накануне Первой мировой войны. И так уж получалось, что в самые ключевые, самые эпохальные события губернатор оказывался и не на месте, и не «в ударе».

Вспомним хотя бы учреждение университета в Перми, первого на Урале. Всех поражало отсутствие губернатора. Первое лицо губернии с самого начала не было сторонником создания вуза. Консерватор по убеждениям, он не хотел появления студенчества, которое всегда и везде приносит властям беспокойство. В 1916 г., как раз на время университетских торжеств, Михаил Александрович уезжает в отпуск, но, чтобы сохранить лицо, присылает в Пермь Калугину поздравительную телеграмму. Однако телеграмма задерживается в пути...

¹ Иванов Вс. Н. *Огни в тумане: Думы о русском опыте.* М., 1991.

С революцией – та же история. Когда в Петрограде началась «заваруха» и в Пермь уже прилетела историческая телеграмма Бубликова, Лозина-Лозинский, выйдя из добровольного отпуска, находился в Екатеринбурге. Он был на молебне в соборе, когда жандармский подполковник принес ему телеграмму Бубликова о революции. И что предпринимает губернатор? Он всеми силами пытается задержать распространение сообщений о петроградских событиях. Естественно, чтобы избежать смуты и паники. Тем же самым был занят в Перми и вице-губернатор Лыщинский-Троекуров, который приказал даже задерживать все газеты. В итоге официально пермское население узнает о случившемся только 3 марта из «агентской телеграммы» (Российского телеграфного агентства).

Поведение губернатора тогда многим казалось сомнительным и непонятным. Достаточно сказать, что екатеринбургский городской голова Обухов направил в Петроград на имя председателя Госдумы Родзянко телеграмму следующего содержания: «...губернатором усиленно распространяется телеграмма, подписанная генералом Даниловым, извещающая о восшествии на престол Михаила Александровича (Романова. – В. Г.). Не имея соответствующих сообщений Временного правительства, население смущено, ждет ваших авторитетных пояснений».

Что это, как не вотум недоверия первому лицу?

Между тем на допросе, которому бывший губернатор был подвергнут в марте 1917 г. членами Комитетов общественной безопасности Перми и Екатеринбурга, Михаил Александрович говорил, что монархические настроения он не поддерживал: «...монархические организации в Пермской губернии представляли полный нуль. Они создавались на время выборов; *через меня никаких субсидий ни монархическим организациям, ни вообще кому-либо другим не передавалось. Вообще сам я к искусственному насаждению монархических организаций путем субсидий относился по своему убеждению отрицательно, находя, что известный принцип можно замазать грязью, но поддержать его грязью нельзя».*

В итоге бывшего начальника губернии посчитали виновным по двум пунктам: за задержку призывов к признанию нового законного правительства, а также за сожжение официальных секретных документов. Сам Лозина-Лозинский признал, что сжигал документы, «чтобы не было сле-

тен и не получилось грязи». А что сжигал? Секретные бумаги, «дела были по объему значительные», признает арестованный.

По денежным поступлениям он отчитался так: «...были... по следующим категориям: на противогазы, на памятник в Ныробе, взяточные» (!). Что касается «взяточных», остается неясно, куда и на что они пошли. А Ныроб здесь упомянут в связи с кампанией по причислению к святым боярина Михаила Никитича Романова: храм, ограда вокруг ямы, где был «умучен» опальный боярин, были доведены до кондиции, но с прославлением Романова пермяки не успели.

Вскоре Лозина-Лозинский по распоряжению Временного правительства будет отпущен. Затем он выедет в эмиграцию.

* * *

Есть разные мнения о той позиции, которую занял Михаил Романов. Порой мнения полярные, взаимоисключающие. Нобелевский лауреат А. И. Солженицын не раз обращался к личности великого князя Михаила Александровича. Его образ выписан в исторической эпопее «Красное колесо», в публицистических «Размышлениях над Февральской революцией» и др. Писатель считал Михаила в определенном отношении виновником обрушения строя. Он, в частности, писал: «В отречении Михаила мы наблюдаем ту же душевную слабость и то же стремление освободиться самому. Даже внешне похожи действия братьев: почти в тех же часах, как сорвался Николай в путешествие к супруге, — пустился и Михаил в Петроград... И так же, как Николай во Пскове, Михаил на петроградской квартире лишился свободы движения. И так же в западне вынужден был к отречению — да отчасти чтоб скорей повидать любимую умницу-жену.

...Михаил не более думал о борьбе за трон, не более порывался возглавить сопротивление армии, чем его старший брат. ...И Михаилом, и всеми собравшимися на Миллионной, и монархистами среди них — всеми овладел обманый параллакс, сдвиг зрения: из-за бушующей петроградской толпишки (!) они не видели (кто и не хотел видеть) нетронутого массива России.

...Концом монархии стало отречение Михаила. Он — хуже, чем отрекся: он загородил и всем другим возможным престолонаследникам, он

передал власть аморфной олигархии. Его отречение и превратило смену монарха в революцию (то-то его так хвалил Керенский)...»¹

Но это – мнение литератора. Историки сегодня склоняются больше к выводу, что в решающий, переломный период для страны Михаил Александрович сыграл заметную роль. Великий князь оказался единственным человеком, в пользу которого смог отречься Николай II. При всех за и против.

Солженицын довольно сдержанно, даже критически оценивает действия Михаила. Однако нельзя не заметить, что писатель в своих характеристиках тоже не во всем прав. Чего стоит его недооценка волнений народных масс, которые он называет «толпишкой»! Михаил не принял корону, а отложил решение о форме правления до созыва Учредительного собрания. Он надеялся на народ... Своим манифестом Михаил хотел успокоить всех. Михаил отказался от силового решения. Немногие знают, что штурм Зимнего дворца как такового не было и не случилось военного столкновения именно потому, что Михаил Александрович приказал войскам, охранявшим дворец, покинуть его расположение.

Архиепископ Пермский и Соликамский Андроник назвал ситуацию 1917 г. междуцарствием. Он сообщил своей пастве: «Узаконяющий Временное правительство акт об отказе Михаила Александровича объявлял, что после Учредительного собрания у нас может быть и царское правление, как и всякое другое, смотря по тому, как выскажется об этом Учредительное собрание». Высшие иерархи церкви, в том числе обер-прокурор Святейшего синода, сразу же признали законность условной передачи власти Михаилом Временному правительству.

Нельзя не поразиться тому, как по-разному повели себя в критической ситуации два Романова, Николай и Михаил. Вообще-то Михаил не был честолюбивым человеком. В отличие от Николая он не был изолирован от настроений в обществе и раньше своего венецианского брата почувствовал надвигающуюся катастрофу. Но попытки Михаила побудить царя к решительным действиям в первые дни революции ни к чему не привели. Николай в своем дневнике не упрекал Михаила за отказ от власти, понимал, что сохранение монархии в любой форме было уже не под силу любому претенденту. И, что показательно, бывший император задается во-

¹ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Российская газета: Брошюра. 2007. Февр.

просом, кто это надоумил Михаила на «глупость четыреххвостки» избирательного права...

В этой реплике царя прочитывается многое: тут и известная аристократическая нелюбовь Николая к «всеобщему», его война с думами, нежелание идти на глубокие реформы, тут и привычное покровительское высокомерие старшего брата к младшему, точнее, даже не высокомерие, а недоверие...

Имеются в виду четыре основных права гражданина на избрание: всеобщее, равное, прямое, тайное – то, чем пользуемся мы и сейчас, естественно только на честных и прямых выборах.

Выйдя победителями в Гражданской войне, большевики сразу же лишили некоторые категории граждан права голосовать. По Конституции 1936 г., которую в условиях тоталитарного режима называли «сталинской», гражданам СССР формально вернули всеобщее избирательное право, т. е. часть той самой «четырёххвостки».

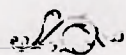
Гримасы истории: свершилось это историческое событие 5 декабря, в день рождения Михаила Романова. Как известно, права, обеспеченные «самой демократической» Конституцией, оставались при однопартийной коммунистической диктатуре большей частью только на бумаге.

Насильственный разгон Учредительного собрания подхлестнул Гражданскую войну. Призыв к восстановлению всенародного вече стал одним из лозунгов Белого движения, появились так называемые Комучи – Комитеты за созыв Учредительного собрания...

ПОЕДИНОК ДВУХ КЛАССИКОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВО АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

В Гатчине Михаил Романов с Наташей жили несколько лет неподалеку от домика, где квартировал популярный уже в те годы писатель Александр Куприн. Романову нравилось его творчество, да и интересы у них во многом совпадали. Оба – из военной среды, оба увлекались экстремальными видами спорта, поднимавшими адреналин

в крови: авиаполеты, автогонки, скачки... Разве что по части выпивки Александр Иванович давал августейшему сто очков вперед. Временами литератор уходил в запой, и тогда его спасала только жена, любимая и отважная Лизонька (которая была дочерью одного из первых пермских фотографов Морица-Гейнриха Роттонн).

Столь близкое знакомство не прошло незамеченным и для новой власти. Признаки недовольства со стороны большевиков писатель начал ощущать на своей шкуре постепенно и по нарастающей. И вот однажды Куприна вызвали в ЧК на допрос.

Вопреки ожиданиям, допрашивали писателя еще вполне в сдержанном тоне. Судя по рассказу А. Куприна «Шестое чувство», написанному им уже в эмиграции, он сам ожидал худшего¹.

Его привели в кабинет, выходящий окнами на Неву. Следователь показал писателю место против себя. Охранник, сопровождавший Куприна матрос, сел в кресло. Впечатление следователь производил странное.

«...Точно из сказок Гофмана, – пишет Куприн. – Казалось, что лицо его было грубо вырезано из мореного дуба и вставлено в темно-серый костюм. Неподвижные глаза глядели, но в них не было никакого выражения. Он был похож на мертвеца, поздно вынутого из могилы, или на тех спокойных католических великомучеников, деревянные изображения которых так часто встречаются в каплицах Юго-Западного края, поставленных на перекрестках дорог. В голосе его не было никакого тембра. Фамилия его была Самойлов. Говорили, что он из румын, из той страны, где до сих пор водятся загадочные вурдалаки...»

Следователь предъявил писателю газетный лист со статьей «Михаил Александрович», спросил, не им ли она написана. Куприн подтвердил свое «единоличное авторство».

А дальше следователь начал выпытывать у автора: «Какие мысли или идеи хотели вы внушить широкой публике посредством вашей статьи?» Александр Иванович смекнул, что ему собрались шить дело. Однако запыраться не стал, он не видел никакого криминала в своем очерке. Был искренен и тогда, когда его писал, и сейчас, когда отвечал на глупые вопросы.

Сдерживая себя, он начал говорить мерно, почти в тон человеку на против:

¹ Юность. 1988. № 3.

– Совсем я ничего не хотел. Мне просто стало стыдно за представителей нового режима. Зачем они подвергают великого князя таким оскорблениям, унижениям и стеснениям? Он простой и добрый человек. Он совсем не властолюбив. Наоборот — у него отвращение к власти. Он родился в высокой царской семье, но душою и всеми помыслами он истинный прирожденный демократ. Он бесконечно щедр. Он не может видеть нужды, чтобы не помочь ей немедленно. Наездники Дикой дивизии обожали его, называя «наш джигит Миша». Он женился без разрешения престола на женщине, которую полюбил, и был за это долго в опале. Когда отрекшийся государь оставил власть в его руки, он первый сказал: «Я последую воле народа». Он редкий, почти единственный человек в мире по чистоте и красоте души и т. д., и т. д.

Позднее писатель признавался, что процитировал ему почти всю статью и закончил словами: «Вот и всё!»

Казалось, поединок писателя со следователем достиг своего апогея. «Он долго, очень долго глядел на меня своими неглядящими глазами. Лицо его не изменилось. У меня было такое же тревожное и брезгливое чувство, которое невольно испытываешь, оставшись один на один с сумасшедшим».

Вывод чекиста прозвучал, прямо сказать, совершенно неожиданный, страшноватый:

– Из ваших слов я могу вывести только одно заключение: что вы не только ненавидите, но и презираете установленную пролетарскую народно-рабочую власть и ждете взамен ее великого князя Михаила Александровича, как быархистратига Михаила, стоящего с огненным мечом. Не так ли?

Куприну ужасно хотелось крикнуть в ответ: «Балбес!», но он сдержал себя и ответил уныло:

– Да какая же здесь связь?

Для новой власти связь, однако, уже была: контакты, знакомство с лицами царской фамилии становились компроматом для любого гражданина. Даже для такой известной личности, как писатель Куприн. В тот раз его выпустили на волю. А вскоре он с женой перебрался за границу (возвратился из эмиграции Александр Иванович уже глубоким стариком).

С писателем Михаил Романов и его друзья сошлись, помимо всего прочего, и в том, что при большевиках памятники истории и природы Гатчины оказались в опасности, солдаты разрушали все вокруг без разбора, вандализм процветал махровым цветом. Произведения искусства экстренно нуждались в защите, была даже создана специальная комиссия.